

74
М 42

Проф. Е. Н. МЕДЫНСКИЙ

АНТОН СЕМЕНОВИЧ
МАКАРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
МОСКВА · 1949

65001

✓ В
1142
АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ

Читальный зал

Проф. Е. Н. МЕДЫНСКИЙ

Действительный член АПН РСФСР

АНТОН СЕМЕНОВИЧ
МАКАРЕНКО

ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

С предисловием Г. С. Макаренко

Библ. № 1142
97

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1949 Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советский народ под гениальным водительством товарища Сталина строит новый, коммунистический мир. Этот мир творят советские люди, вооруженные самой передовой наукой, воспитанные партией и великими ее вождями Лениным и Сталиным.

Партийность советского воспитания несет идейную стойкость миллионам советских людей. Несокрушимая созидательная сила советского народа наголову разбила вскормленного империализмом зверя — фашизм — и в послевоенные годы гигантски двинула вперед советскую науку и технику.

Сила марксистско-ленинской науки о воспитании формирует социалистический характер человека и вдохновляет людей нашей страны на творческие дела и подвиги.

А. С. Макаренко — педагог-писатель, педагог-революционер, в своем творчестве постоянно возвращается к волнующей теме о всепобеждающей мощи коммунистического воспитания. К этой теме он подходит как специалист, вооруженный диалектическим методом исследования закономерностей развития и становления личности, методом анализа педагогических явлений. В педагогике, как и во всякой другой науке, овладение марксистским методом, умение видеть явления в их постоянном движении, раскрывает перед исследователем возможности научного предвидения, способности предусматривать далеко вперед направление развития нового и отмирания старого — отжившего. В этом состоит одно из коренных принципиальных отличий деятельности мыслителя педагога марксиста-диалектика от концепций педагога идеалиста. Творчество марксиста имеет глубокие жизненные корни, перед ним «близкая и далекая перспективы», планы и ясные цели завтрашнего дня. Сегодняшний его деятельный труд всегда целеустремленно созидает реальное будущее. Концепции идеалиста ложны в своей основе, он бессилён изменить действительность, «Гуманистические

идеи педагогов немарксистов могли сотрясать сознание, но они бессильны были изменить окружающий их реальный мир», — читаем мы в записной книжке А. С. Макаренко.

Жизненна только та наука, в основу которой положена методология творческого марксизма. Вечно живы творения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Их гений возвышает труды советских людей, которые находят верные пути для развития и процветания материальных и духовных сил нашей Родины. Наша советская жизнь очень богата такими людьми во всех областях человеческого творчества. К числу таких выдающихся людей нашей эпохи принадлежит Антон Семенович Макаренко.

Через десять лет, прошедшие со дня его смерти, оставленное им педагогическое наследство приобрело особую актуальность.

В 1920 г. А. С. Макаренко начал свою педагогическую поэму в Полтавской колонии короткой и простой формулой: «нового человека по-новому надо делать» и на этой творческой основе развертывает свою педагогическую деятельность. В 1923 г. он приступает к созданию книги «Педагогическая поэма», работает над ней в течение десяти лет и показывает в действии всепобеждающую силу принципиально новой системы методов, средств и техники коммунистического воспитания.

В декабре 1937 г. он пишет: «Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека». В 1938 г. он так формулирует эту же мысль: «У нас колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей».

Какие же результаты дает советская воспитательная система? В июне 1937 г. Антон Семенович отвечает на этот вопрос так: «И, если вспыхнет война, наш гражданин — гражданин мира, свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в мире». В том же году в «Книге для родителей» Макаренко так говорит о качествах советских людей: «Наша молодежь — это ни с чем не сравнимое мировое явление, величия и значительности которого мы, пожалуй, и постигнуть еще не способны»... и дальше:

«Да, у нас есть Герои Советского Союза, но, посылая их на подвиг, наше правительство не устраивало им особого эк-

замена. Оно выбирало их из общей массы граждан. Завтра оно пошлет на подвиг миллионы людей и не будет сомневаться, что эти миллионы обнаружат такую же нравственную высоту».

В 1939 г., за месяц до смерти, выступая с лекцией в большом зале МГУ, А. С. Макаренко говорил: «Наш советский человек отличается большими новыми особенностями, он приобрел новые черты характера, новые качества личности, новые качества поведения.... Он сделался человеком мирового значения, человеком мирового знания, мировых вопросов — это большой шаг в деле коммунистического воспитания». В этих словах виден страстный патриот А. С. Макаренко, его гордость своим народом, любовь к народу. И с особенной убедительностью звучит сейчас его утверждение, что, при проектировке необходимых советскому человеку черт характера и формировании личности воспитанника, педагогика должна обгонять общественное требование: «Мы должны обладать острой педагогической чуткостью, потому что мы уже сейчас воспитываем поколение для коммунистического общества. Эта политическая чуткость является признаком нашей педагогической квалификации», так записал А. С. Макаренко в своем дневнике в марте этого же последнего года своей жизни.

Макаренко как педагог, писатель, мыслитель и деятель является одним из представителей и выразителей огромных достижений русской, советской педагогики. Он ищет и находит законы и закономерности системы коммунистического воспитания нового человека — члена советского общества. Макаренко доказывает, что советская педагогика — не привилегированное искусство избранных педагогических талантов, а точная наука, всемогущая потому, что это марксистская материалистическая наука. А наукой может овладеть каждый, кто изучит ее и затем будет честно трудиться и станет мастером своего дела.

Деятельность Макаренко является талантливим выражением исканий, надежд, сомнений, достижений и творчества лучшей, передовой части педагогов нашей страны. В своих произведениях, в работе с детьми А. С. Макаренко с большой поэтической силой выражал любовь своего народа к партии, беззаветную преданность великому Сталину, — создателю счастья советского народа и всего трудового человечества. «Сталин! В этом дорогом имени — мировая слава русского народа, новая эпоха мировой истории», — читаем мы в дневнике Макаренко.

Макаренко ценят и понимают советские люди, родители, к которым он обращался не раз, и особенно педагоги. Вот несколько выдержек из писем, которые получаются в адрес Лаборатории по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко. В грозные дни войны, летом 1943 г. было получено письмо с фронта от известного советского педагога, тогда майора Советской Армии, товарища Н. А. Лялина, он писал:

«Судьбе угодно было провести меня по многим и многоверстным военным дорогам. И ничего я не взял с собой из моего Ленинградского дома. Взял дорожную мне вещь «Педагогическую поэму». И книга эта и сейчас со мной. Многому в жизни она меня научила, учит и сейчас, и я советуюсь с ней в радостные и трудные минуты фронтовой жизни. Ведь Антон Семенович настолько велик, как человек и мыслитель, что у него надо учиться вообще подходу к людям, умению их воспитывать, руководить и командовать ими, а не только воспитанию детей».

Настоящее предисловие не ставит своей задачей сделать сколько-нибудь обстоятельный, по годам, обзор этой обширной и представляющей большой интерес переписки, но вот отрывки из писем, полученных в 1948 и 1949 годах.

«Педагогическим творчеством и деятельностью Антона Семеновича интересуются старшие командиры и политработники наших вооруженных сил и извлекают большую пользу в деле воспитания личного состава. И что характерно, по моим наблюдениям, так это доходчивость трудов и произведений Антона Семеновича для всех слоев народа». Так писал из далекого Петропавловска-на-Камчатке педагог, бывший воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, участник Великой Отечественной войны Л. В. Конисевич.

Вот мысли врача-педагога И. М. Кузнецова из г. Красноярска: «Для каждого честного передового советского педагога имя Макаренко — символ бескорыстной, самоотверженной воспитательной работы на благо социалистической Родины».

Учительница начальных классов казахской школы Г. А. Корнатовская пишет:

«Какое большое влияние А. С. Макаренко оказал на всю мою педагогическую работу! Когда я встречаю трудности, обучая и воспитывая детей-школьников, я перечитываю «Педагогическую поэму» и нахожу ответы на все вопросы. А если получаю благодарность за свою работу, то невольно думаю, как оценил бы ее Антон Семенович. Это действительно наш советский педагог, у которого мы учимся... Я хочу быть та-

ким педагогом, каким желает видеть меня мое правительство, моя партия, мои дети, которым я посвятила свою жизнь, таким педагогом, каким велит мне быть мой долг, моя преданность Сталину».

Научный работник Эстонии Э. Н. Ойссар такими словами заканчивает свое письмо:

«Все работы А. С. Макаренко оказывают незаменимую помощь при изучении советской педагогики: замечательно глубоко знал он своих воспитанников, удивительно умел он справляться с трудностями в практике воспитания — он был действительно великим педагогом-теоретиком и практиком. Выход переводов его работ на эстонском языке создает условия для глубокого анализа педагогических явлений и развития советской нашей педагогики».

У Макаренко учатся учителя потому что, то, что он создал, — близко, жизненно необходимо и понятно.

Его система очень проста потому, что педагогическая логика, положенная в ее основу, — логика нашей, советской жизни, а цель воспитания — политическое и нравственное требование, которое наше общество предъявляет к своим членам — гражданам СССР.]

Педагогика — научная система, и в ней ничего не может быть случайного, недосказанного, в ней совершенно недопустим самотек или надежда на благоприятные неожиданности, вроде добрых врожденных качеств ребенка и прочее.

Всякая наука имеет дело с закономерностями. В педагогике одну из таких закономерностей Макаренко видел в единой логике цели воспитания и воспитательного средства. Закономерно только то средство, которое ведет к достижению цели воспитания — организации нужного нашему обществу сознания и поведения. Макаренко устанавливает систему таких закономерностей, найденных им и проверенных в многолетней плодотворной практике. Он пришел к выводу, что воспитание советского человека требует специальной и сложной «инструментовки», как любил он говорить, выражая этим словом всю тонкость и гармоничность педагогического процесса.

Работая с трудным человеческим материалом, Антон Семенович убедился, что нет никакой специальной методики, пригодной только для трудных детей. Правильный педагогический метод и система педагогических средств — организация коллектива, широкое общее и политическое образование и участие в специально организованном производственном труде — делают советскую педагогику всесильной.

Макаренко не мечтатель-утопист. Он — реальный политик,

организатор, советский деятель большого масштаба — в 1935 г. писал в письме к члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского:

«За тридцать лет моей педагогической работы я пережил 200 000 (двести тысяч) часов рабочего напряжения, через мои руки прошло более 3000 детей. Я, воспитатель, потратил последние 15 лет на практическое применение и уточнение системы коммунистического воспитания. Я создал для этого с большим трудом опытный коллектив, который оправдал все мои положения. Уже сейчас я могу писать теорию». В это время он приходит к выводу, что педагогическая деятельность трудная, но «счастливая деятельность», что воспитание высоконравственного человека требует постоянного «пристального педагогического внимания».

Бесконечное богатство, тонкость человеческой природы требуют квалифицированного и умелого обращения и правильно организованной системы воспитательных средств. А. С. Макаренко предупреждает: «В педагогике нет мелочей и явлений нейтральных». Правильное и умелое коммунистическое воспитание дает не только высокое совершенство, но и несокрушимую идейную стойкость юной героини Зои Космодемьянской и героев Краснодона. А сейчас, в наши дни, какую силу духа проявляют миллионы героев мирного созидательного труда, в три послевоенных года перешагнувшие довоенный уровень во всех отраслях нашей хозяйственной и культурной жизни! А. С. Макаренко был твердо уверен в победных силах нашего народа и считал расцвет этих сил закономерным следствием системы коммунистического воспитания. «Я не знаю ни одного случая, — писал он, — когда бы правильное воспитание дало плохие результаты».

Обязательным элементом высокого морального облика человека Макаренко считает единство коммунистического сознания и поведения. Огромное значение придает он «секретному поступку», такому поступку, который человек совершает наедине с собой, когда его никто не видит. Именно такой поступок обнаруживает истинную сущность человека. В 1935 г. Макаренко писал: «Воспитатель должен быть уверен, что его воспитанники совершат, если их призовет к этому жизнь, одинокий и безымянный подвиг. А высшей наградой будет для них сознание исполненного долга».

В школе, в детских воспитательных учреждениях нравственный облик советского человека должен получить законченность и идейную стойкость, но основы нравственного воспитания закладываются в семье, и Макаренко пишет книги для родителей.

А. С. Макаренко чрезвычайно бережно относился к «неповторимой прелести» каждого человека. В своих произведениях он создал богатейшую портретную галерею детских лиц, индивидуальностей и характеров.

Неудачи многих педагогических школ прошлого он видит «в ошибочном стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов». Люди неповторимы, но из этого нельзя делать вывода: разнообразны люди, таким же разнообразным должен быть и метод воспитания. Такой вывод сделал бы невозможной систему государственного образования и воспитания миллионов детей. И Макаренко дает исключительное по значению и глубине определение советского метода воспитания: «достойной нашей эпохи организованной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время даст возможность каждой отдельной личности развить свои способности, сохранить свою индивидуальность, идти по линии своих наклонностей». Решение этой сложной задачи заключается в системе коллективного воспитания, в педагогике коллективного действия, как называет Макаренко этот новый, разработанный им раздел науки о воспитании. Всегда надо помнить, что литературные труды А. С. Макаренко и собственный его опыт работы с детьми, раскрывая внутреннюю диалектику воспитательного процесса, доказывают, что формирование человека-коллективиста это и есть самое совершенное средство развития и расцвета неповторимых индивидуальных его особенностей и залог счастливой творческой жизни. А внимание к человеку, забота о нем и его счастье — это также цель коммунистического воспитания.

Педагогическая и литературная деятельность А. С. Макаренко — это одно из выдающихся явлений советской жизни, и интерес к нему возрастает с каждым годом. Достаточно сказать, что в 1948 г. выпущено в свет три издания «Педагогической поэмы» и сборник «Педагогические сочинения» Макаренко. Лаборатория по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко готовит к изданию собрание его сочинений, и в текущем 1949 г. Издательство АПН РСФСР запланировало выпуск шести книг; Учпедгиз — не менее двух; Центральный государственный литературный архив подготовил к печати и опубликует «Литературный сборник» неизданных произведений А. С. Макаренко. Поэтому отрадно отметить, что именно сейчас действительный член Академии педагогических наук РСФСР, доктор педагогических наук Е. Н. Медынский, неутомимый пропагандист педагогического

творчества А. С. Макаренко, предпринял 2-е расширенное и переработанное издание своей книги—«Антон Семенович Макаренко, жизнь и педагогическое творчество». Книга это была задумана и написана в труднейшие годы войны, когда надо было иметь много настойчивости и настоящего живого чувства, уверенности в необходимости этой работы, чтобы изучить архивные материалы и закончить свой труд. Эта первая книга об А. С. Макаренко сыграла значительную роль в деле пропаганды новаторских теоретических и практических положений А. С. Макаренко. Автор книги со всей убедительностью показал значение трудов А. С. Макаренко для советской педагогической науки и необходимость глубокого и всестороннего изучения его наследия и творческого применения в практике детских учреждений.

Со времени первого опубликования книги Е. Н. Медынского прошло четыре советских года, а это неизмеримо больше, чем четыре года в какой угодно другой стране, как писал А. С. Макаренко. За эти четыре года в разработке, изучении и применении в практике педагогического учения Макаренко имеются значительные успехи. Специалисты пишут монографии по вопросам теории и практики коммунистического воспитания, разработанным А. С. Макаренко, и о его литературно-художественном творчестве. На эти же темы защищены и готовятся к защите диссертационные работы на соискание ученых степеней. Можно сказать, что в настоящее время мало таких гуманитарных вузов, где на кафедрах литературы, философии, психологии не писались бы по тематике А. С. Макаренко дипломные и научные работы. Изучение наследия А. С. Макаренко включено в курс педагогических учебных заведений. Студенты этих учреждений организуют кружки по изучению трудов Макаренко, пишут рефераты и курсовые работы. Лаборатория по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко связана со многими кафедрами педагогики высших и средних педагогических учебных заведений Союза.

Для популяризации педагогического наследия А. С. Макаренко Лекционные Бюро широко практикуют по запросам различных организаций публичные лекции, доклады, рефераты по этой тематике.

Если четыре года назад в предисловии к этой же книге Е. Н. Медынского надо было констатировать, что в педагогической практике детских учреждений наиболее полно осуществляли систему Макаренко бывшие его соратники и воспитанники колонии им. М. Горького и коммуны

им. Ф. Э. Дзержинского, то сейчас это дело значительно двинулось вперед.

Особый интерес представляют детские учреждения, в которых используется педагогическое наследство А. С. Макаренко и опыт которых описан. В 1948 и 1949 годах в жюри ежегодных «Педагогических чтений» при Академии педагогических наук РСФСР представлено несколько работ на эту тему и по решению жюри три доклада прочитаны на пленарных и секционных заседаниях.

Подводя итоги практической работы внедрения в жизнь научно-теоретического и практического учения А. С. Макаренко об организации воспитательного процесса в детских учреждениях, надо сказать, что если качества системы определяются только опытом квалифицированного и действительно творческого применения ее людьми, которые владеют методологическими основами системы и ее методикой, то такие кадры в настоящее время уже имеются. В своей деятельности они показали, что методика воспитательной работы, которую применял А. С. Макаренко, является методикой жизненной и творческой. Когда А. С. Макаренко говорит о законах, которые должны лечь в основу системы советского воспитания, то одним из первых он устанавливает следующий: «Остановка в развитии коллектива или отдельной личности есть начало деградации и коллектива и личности». Это положение определяет творческий характер деятельности педагога, утверждает, что он должен быть движущим началом и организатором нарастающего поступательного процесса развития целого коллектива и личности своих воспитанников. А всякая догматизация — не только остановка, но и омертвление. Опыт показал, что те детские учреждения, которые усвоили этот творческий метод, не только продуктивно применяют систему организации коллектива и воспитывающие формы коллективной деятельности детей, но, что особенно важно, развивают и двигают дальше дело, начатое А. С. Макаренко.

Автор настоящей книги, академик Е. Н. Медынский, всегда с большим вниманием относился к работе Лаборатории по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко и много помог развитию этого дела. В последнее время Е. Н. Медынский определил ту новую ступень, на которой находится сейчас освоение трудов А. С. Макаренко и продвижение его положений в практику детских учреждений. От разработки отдельных педагогических проблем, формулированных А. С. Макаренко, научная мысль пришла к исследованию методологических — философских основ того, что внес А. С. Макаренко в педагогику, говорит Е. Н. Медынский.

В соответствии с этим выводом он переработал и расширил свою книгу и дополнил ее новыми главами.

В книге Е. Н. Медынского, как и в каждой работе, излагающей и анализирующей раскрытие и становление новых сложных явлений, имеются и некоторые дискуссионные положения. Но это не умаляет достоинства книги, ибо в научных спорах рождается истина.

Дать учителю книги, стоящие на большом теоретическом уровне,—это одна из основных задач Академии педагогических наук РСФСР, и работа Е. Н. Медынского — «Антон Семенович Макаренко, жизнь и педагогическое творчество» отвечает этому назначению.

Зав. Лабораторией по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко

Г. Макаренко.

ГОДЫ УЧЕНИЯ И НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

„Макаренко Антоний—выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам...“.

*(Из характеристики, данной
А. С. Макаренко Полтавским учи-
тельским институтом в 1917 г.)*

Антон Семенович Макаренко родился 1 (13) марта 1888 г. в г. Белополье Сумского уезда, Харьковской губернии. Отец его, Семен Григорьевич, был мастером малярного цеха в железнодорожных мастерских.

...«Высокий, худой и суровый человек, в своей жизни не видевший ничего, кроме труда»,—так рисует Антон Семенович в романе «Честь» своего отца.

Сына Семен Григорьевич любил, но относился к нему строго, не баловал. Умер он в возрасте шестидесяти шести лет, в 1916 г., незадолго до окончания Антоном Учительского института.

Мать А. С. Макаренко, Татьяна Михайловна, требовательная к себе и другим, была любящей, хорошей женою и матерью, отличной хозяйкой.

Семья Макаренко жила бедно, но чисто, аккуратно и деловито. Ровные, сдержанные, проникнутые большой любовью отношения скрепляли всех членов семьи, у каждого из которых были свои строго определенные обязанности. Честность, сознание долга, чувство человеческого достоинства — вот качества, которые семья прививала Антону Макаренко с детства.

Эти, взращенные с детства, черты проявлялись, как увидим дальше, и в педагогической деятельности Антона Семеновича. Можно предполагать, что, защищая впоследствии «принцип требовательного уважения к детям», Антон Семено-

вич учитывал, до известной степени, и впечатления своего детства.

Читать мальчик научился рано, в возрасте пяти лет. Когда ему исполнилось двенадцать лет, железнодорожные мастерские, где работал его отец, перевели в Крюков, близ Кременчуга, Полтавской губернии. Антона определили в городское, по положению 1872 г., четырехклассное училище, имевшее 6-годичный курс обучения. Провожая новичка в школу, где учились дети мелких служащих и торговцев, отец сказал ему:

«Городские училища не для нас строили, а ты покажи им. Принесешь четверку... лучше не приноси! Пятерки. Понимаешь?»

Сын свято выполнял наказ отца. За все годы пребывания в школе, а затем и в Учительском институте Антон Семенович получал только пятерки.

После городского училища А. С. Макаренко окончил одногодичные педагогические курсы и в 1905 г., получив звание народного учителя, был назначен преподавателем железнодорожного училища при заводе, где работал его отец.

Вскоре он стал учителем большого двухклассного железнодорожного училища.

Двухклассное училище имело в те времена пятилетний курс: три года — первый класс, соответствовавший начальной школе, и два года — второй класс, дававший повышенное начальное образование. Обычно молодые педагоги, окончившие не только учительские курсы при городских училищах, но даже более высоко стоявшее педагогическое учебное заведение — учительскую семинарию, назначались лишь в начальную (трех-четырёхгодичную) школу. Назначение молодого Макаренко преподавателем повышенной начальной школы свидетельствует о том, что его, как способнейшего курсанта, оценили уже на заре его педагогической деятельности.

Один из бывших преподавателей Кременчугского городского училища и педагогических курсов при нем, П. П. Каминский, писал: «Я хорошо помню Антона Семеновича и учеником и курсантом. Учился он действительно прекрасно, обладая исключительными способностями и удивительной для юности выдержкой. Пробные уроки всегда проходили у него отлично».

Железнодорожные начальные школы, в особенности повышенные (двухклассные) училища, были в те времена поставлены лучше других, довольно хорошо финансировались железнодорожным ведомством, имели хорошие помещения и оборудование. Во многих из них, кроме общеобразовательных предметов, преподавался ручной труд: столярное, сле-

сарное и токарное дело. Учителя оплачивались лучше, и квалификация их была, как правило, выше, чем в других начальных школах.

Первые годы педагогической деятельности А. С. Макаренко — это период первой русской революции.

«За каких-нибудь три года революции (1905—1907 годы) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую не могли бы они получить за тридцать лет обычного мирного развития. Несколько лет революции сделали ясным то, чего нельзя было бы сделать ясным в продолжение десятков лет при мирных условиях развития»¹.

Именно в эти годы складывалось мировоззрение Антона Семеновича Макаренко. Он сам вспоминал впоследствии: «Понимание истории приходило к нам по путям большевистской пропаганды и революционных событий.... В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках...».

Это рабочее общество, из среды которого вышел и внутри которого работал А. С. Макаренко, во многом способствовало его росту как марксиста. Его деятельность протекала в рабочих районах, где уже со середины 90-х годов XIX в. быстрыми темпами развивалась тяжелая железодельательная промышленность. Здесь, на юге России, в промышленных центрах, большое влияние имели большевики. А. С. Макаренко упоминает, что из школы, где он учительствовал, «вышло много большевиков»². Несомненно, он знакомился с нелегальной большевистской литературой; не только с прокламациями, листовками, брошюрами, но и о произведениях Маркса и Энгельса.

Большую роль в духовном формировании А. С. Макаренко и тот период сыграл Максим Горький. Сам Антон Семенович, характеризуя роль Горького в начале своей педагогической деятельности, вспоминает: «Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря»³.

По инициативе Антона Семеновича и под его руководством школа проводила самую разнообразную работу, привлекая население. Устраивались школьные праздники, был организован ученический лагерь. Эта работа еще теснее сблизила

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 89.

² А. Макаренко, Максим Горький в моей жизни. Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 59.

³ Там же.

молодого учителя с рабочими-родителями учащихся. Затем Антон Семенович организовал родительский комитет, в состав которого вошли передовые рабочие.

Рабочие собирались в школе не только по делам родительского комитета, но и для революционной деятельности. Заведующий училищем Михаил Григорьевич Компанцев и некоторые педагоги, в числе которых был, конечно, и А. С. Макаренко, принимали в ней живое участие. Крюковское железнодорожное училище сделалось местным центром революционной работы. Чтобы пресечь эту деятельность и «оздоровить» школу, инспектор народных училищ перевел Компанцева в другую школу и назначил в Крюковское железнодорожное училище нового заведующего, вполне «соответствующего видам начальства».

Новый заведующий оказался взяточником. А. С. Макаренко разоблачил его.

Чувствуя поддержку начальства, заведующий обвинил Антона Семеновича в клевете. Однако при разборе дела в суде Макаренко представил неопровержимые доказательства взяточничества.

Пришлось начальству убрать этого «заведующего» из Крюковской школы, но... вместо тюрьмы его отправили с повышением в другую школу. Вслед за этим и Антона Семеновича начальство поспешило удалить из Крюкова, опасаясь его революционного влияния на учащихся и их родителей — рабочих. В 1911 г. ему удалось добиться назначения в железнодорожную школу станции Долинская, Херсонской губернии, которой заведывал М. Г. Компанцев. Проработав здесь около трех лет, Антон Семенович в 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, готовивший преподавателей высших начальных училищ.

Макаренко был одним из лучших студентов института. Он много читал, изучая педагогическую литературу. На семинарах и практических занятиях он выступает с обстоятельными и яркими докладами по вопросам педагогики. Бывший директор Полтавского учительского института, А. К. Волнин, пишет:

«...На педагогических конференциях в институте А. С. был одним из активнейших участников. Выступления А. С. отличались не одной основательностью и логичностью в раскрытии мыслей, — они были исключительно хороши по форме. А. С. совершенно свободно владел устным словом и, что особенно поражало в украинце, искусно владел в нем гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке, чего я не наблюдал больше ни у кого из своих слушателей».

Сельскохозяйственные работы воспитанников
колонии им. Горького (Курыж). Окучивание

Кураж-колония им. М. Горького. Строй колонистов с оркестром при выходе из колонии на прогулку

украинцев. Это был у него какой-то особенный дар. В течение 2—3 часов он мог устно излагать доклады вполне литературной русской речью, пересыпая их, нет-нет, украинскими выражениями со свойственным ему украинским юмором, что держало на неослабной высоте внимание слушателей»...¹.

На переводных экзаменах с первого курса на второй присутствовал попечитель учебного округа профессор истории А. Н. Деревницкий. Ответы Макаренко настолько заинтересовали его, что он вступил с Антоном Семеновичем в беседу на различные исторические темы, был удивлен большой эрудицией Макаренко и отметил это в книге почетных посетителей института.

Сам Макаренко отмечал большое влияние, которое оказали преподаватели Полтавского учительского института на него и на его товарищей. Антон Семенович пишет, что благодаря этим учителям «много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронте гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные положения всей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».

А. С. Макаренко окончил блестяще Полтавский учительский институт и за отличные успехи был удостоен золотой медали. В характеристике, выданной институтом, говорилось:

«Макаренко Антоний—выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

После выпускных экзаменов Антон Семенович вернулся в Крюков, где жила его недавно овдовевшая старушка-мать. Здесь он с 1 сентября 1917 г. работал инспектором (заведующим) высшего начального училища. На этой работе застала его Октябрьская социалистическая революция, которую он встретил с восторгом и большими надеждами.

«После Октября передо мной открылись большие перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уж и себя не помнили», — писал впоследствии А. С. Макаренко.

¹ А. Волни, Воспоминания (неопубликованные). (Архив А. С. Макаренко).

Он организовал в училище духовой оркестр, школьный огород, вел с учащимися большую внешкольную и внеклассную работу. Один из товарищей Антона Семеновича по работе, заведывавший соседним высшим начальным училищем, указывает в своих воспоминаниях, что Антон Семенович уже тогда энергично искал новые формы и методы воспитания — новые пути в педагогике.

Еще в самом начале своей деятельности советского педагога А. С. Макаренко экспериментирует, нащупывает те методы, которые затем он станет применять в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского.

Уже тогда в 1918—1919 годах он не мыслил правильного советского воспитания, если нет крепкого детского коллектива, уже тогда он применял организующую ребят символику и элементы военизации.

Эти поиски организующих форм для того времени были очень смелы: многие работники отделов народного образования и педагоги стояли тогда на позициях так называемого «свободного воспитания», отрицали твердую дисциплину.

Интересно отметить, что в эти же годы Антон Семенович решает еще одну важную педагогическую задачу, а именно, организует сельскохозяйственный труд учащихся. Весь детский коллектив школы был разделен на дружины, которые работали в саду и огороде. Каждый из участников такой рабочей дружины имел свой отличительный знак: белую нашивку на рукаве с изображением вишни, моркови, яблока и т. д., в зависимости от работы.

Ученики собирались в школу. Точно в назначенное для сбора время вносили знамя. Антон Семенович принимал команду, и колонна со знаменем под звуки барабана шла к месту работы. Перед началом работы—короткая речь Антона Семеновича, и каждая дружина направлялась к своему участку.

В этом опыте 1918—1919 годов нетрудно заметить зачатки тех форм организации воспитанников, которые Антон Семенович применил впоследствии в колонии.

ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ им. ГОРЬКОГО

„Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.... удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается“.

„Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая человечья сила!“

(Из писем А. М. Горького в 1926—1928 годах к А. С. Макаренку).

О сенью 1920 г. Полтавский губернский отдел народного образования поручил А. С. Макаренку организовать колонию для несовершеннолетних правонарушителей.

Для этой колонии в шести километрах от Полтавы был предоставлен участок земли гектаров в сорок с несколькими полуразрушенными зданиями. До Октябрьской революции здесь помещалась колония малолетних преступников.

Все оборудование этой бывшей колонии было расхищено: вынуты стекла, сняты с петель двери, разобраны по кирпичику печи. Даже фруктовые деревья были выкопаны и, повидимому, куда-то пересажены.

За два месяца энергичной работы удалось кое-как привести в жилой вид одно из общежитий бывшей колонии, вернуть кое-что из оборудования, получить пудов сто пятьдесят муки.

В декабре прибыло несколько воспитанников. Присланные сюда правонарушители — пятнадцати-восемнадцатилетние парни — бездельничали, на ночь куда-то уходили из колонии, открыто издевались над педагогами. На большой дороге, идущей на Харьков, начались по вечерам грабежи. Воровали даже из колонии продовольствие и деньги. Доходило по временам и до поножовщины.

С большим трудом удалось до некоторой степени дисциплинировать эту первую небольшую группу колонистов, но в феврале число воспитанников дошло до полусотни.

Антон Семенович понимал, что сразу поставить перед этими людьми далеко идущие требования нельзя. Он выдвигал

гал требования постепенно, но твердо. На колонистов большое впечатление производили эта твердость и даже бесстрашие Антона Семеновича, его выдержка, неустанная, самоотверженная забота о колонистах. Создавать коллектив колонистов он начал с организации актива. Он организовал из колонистов охрану дороги от грабителей, охрану леса от порубок. «Охрана государственного леса очень подняла нас в собственных глазах, доставила нам чрезвычайно занятую работу и, наконец, приносила значительные выгоды», — замечает А. С. Макаренко.

Поблизости от колонии находилось полуразрушенное бывшее помещичье имение. Антон Семенович решил заняться восстановлением в этом имении сельского хозяйства. «Если хорошо взяться за дело, — говорил Макаренко воспитанникам, — колония через год-два будет иметь много хлеба, овощей, ягод и яблок, можно даже поставить молочное хозяйство, развести свиней. Кончится полуголодная жизнь».

Труд предстоял тяжелый: не было инвентаря, семян; в доме не было окон и дверей. Но Антон Семенович сумел увлечь ребят. Они горячо поддержали его предложение.

Через неделю он стоял среди колонистов с ордером на имение. «Я стою среди спальни, — вспоминает он, — я еще с трудом верю, что это не сон, а вокруг меня взволнованная толпа колонистов, вихрь восторгов и протянутых рук: «Дайте-ж и нам посмотреть».

Через год имение нельзя было узнать. Неузнаваемо изменились и сами колонисты.

Так шаг за шагом, смелой постановкой задач, личным примером и тактом, умелым подходом к каждому воспитаннику, организацией группы преданных делу педагогов был создан коллектив — опора воспитания.

Не раз этот, еще не окрепший, с большим трудом созданный коллектив подвергался опасности разложения, когда в него вливались новые правонарушители. В такие периоды, по словам Антона Семеновича, создавался «широкий простор для всякого своеволия, для проявления одичавшей в своем одиночестве личности. Картина в общем была тягостная, но все же зачатки коллектива, зародившиеся в течение первой зимы, потихоньку зеленели в нашем обществе, и эти зачатки во что бы то ни стало нужно было спасти, нельзя было новым пополнениям позволить приглушить эти драгоценные зеленя. Главной своей заслугой я считаю, что тогда я заметил это важное обстоятельство и по достоинству его оценил.... Хорошо было то, что я всегда ощущал себя накануне победы,

для этого нужно было быть неисправимым оптимистом. Каждый день моей тогдашней жизни обязательно вмещал в себя и веру, и радость, и отчаяние»¹.

У недавних правонарушителей нелегко было вытравить привычки, которые были воспитаны годами скитальческой жизни. Это сделать было тем более трудно, что в колонию еженедельно прибывали все новые и новые беспризорные и правонарушители, а колония еще недостаточно окрепла.

События следовали одно за другим. То несколько парней тайком изводили и даже избивали воспитанников-евреев; то группа колонистов производила налет на крестьянские погреба, уничтожая сало, сметану и прочую снедь. Бывали для Антона Семеновича дни, когда в порыве отчаяния он мучительно думал: «Ну что я могу сделать? Что я могу сделать?»

Пришлось удалить из колонии нескольких колонистов. Этот шаг Антон Семенович переживал очень тяжело: ему казалось, что эта мера — показатель безрезультатности его педагогических приемов. Уставшие от работы, требовавшей огромного напряжения, педагоги поговаривали о безнадежности своих усилий: «По правильному ли пути мы идем? А вдруг мы делаем какую-то страшную ошибку: нет совсем коллектива, а мы все говорим о коллективе. Быть может, мы сами себя просто загипнотизировали собственной мечтой о коллективе».

Но не такой человек был Антон Семенович, чтобы поддаться этим безнадежным настроениям и «тощим», по его выражению, мыслям. Подавляя набегавшие по временам сомнения, он проявлял железную выдержку, ободрял уставших педагогов. В трудные дни, следовавшие за каким-либо крупным «событием», он работал так, как будто ничего не случилось. В такие дни особенно четкими становились требования Антона Семеновича к колонистам и воспитателям, особенно большими — трудовые задания. Он становился внешне суровым, как бы надевал на себя маску, стараясь сделать незаметными для окружающих свои сомнения. И все вокруг тоже подтягивались, молчаливо высказывая предупредительность к Антону Семеновичу, больше напрягались в работе, строго выполняли правила установившегося в колонии режима.

Проходило некоторое время, и снова оживали все в колонии: «Как и раньше, кругом звучали смех и шутки, как и раньше, все неистощимы были на юмор и энергию, только теперь все это было украшено полным отсутствием какой бы

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 57.

то ни было разболтанности и несообразного вялого движения»¹.

Дисциплинированности колонистов заметно способствовали военно-физкультурные занятия. Антон Семенович сам руководил этими занятиями. Благодаря военному строю движения колонистов стали более четкими, походка—более уверенной, вся фигура колониста — более стройной.

Через два года со дня основания колонии в ней было сто двадцать четыре воспитанника. Разрослось и хозяйство: шестнадцать коров, около пятидесяти поросят, восемь лошадей, большой огород и значительный посев зерновых — всего до семидесяти гектаров пахотной земли. Руководить хозяйством был приглашен агроном, хорошо наладивший севооборот и полевые работы.

Организация труда колонистов была построена по отрядам. В состав каждого отряда входило разное число колонистов, мальчиков и девочек, в зависимости от характера работы. Во главе каждого отряда стоял командир. Сначала его назначал А. С. Макаренко, впоследствии — совет командиров.

Кроме постоянных отрядов, составлялись сводные отряды временного характера. Командиром сводного отряда становился обычно кто-либо из рядовых членов постоянных отрядов. Это давало возможность многим колонистам выступать не только в роли исполнителей, но и в роли организаторов.

Такая организация труда, как указывает А. С. Макаренко, позволила колонистам «слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовывалось аристократии — командной касты».

Командиры отрядов составляли совет командиров. Он сделался для Антона Семеновича мощным рычагом всей воспитательной работы и трудовой деятельности колонистов. Это был прекрасный актив колонистов, принимавший самое живое участие во всей жизни колонии. Совет командиров обсуждал и решал все важнейшие вопросы организации быта и хозяйства колонии, обсуждал сметы колонии, организацию культурной жизни, прием новых колонистов и т. д. Совет ревниво оберегал честь колонии. Он рассматривал проступки колонистов и назначал взыскания.

Одним из педагогически-тактических правил Антона Семеновича было полное забвение прошлого колонистов, особенно их преступлений. Его интересовало не их прошлое, а

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 183.

их будущее. Как указывает сам Макаренко, провести этот принцип во всей строгости удалось с трудом. И колонисты и педагоги в первое время проявляли большой интерес к тому, за что прислан в колонию новопривывший.

Антон Семенович сознается, что ему вначале приходилось даже в себе самом подавлять этот интерес: «Всегда подмывало узнать, за что прислан колонист в колонию, чего он такого натворил. Обычная педагогическая логика в то время старалась подражать медицинской и толковала с умным выражением на лице: для того, чтобы лечить болезнь, нужно ее знать. Эта логика и меня соблазняла, а в особенности моих коллег и наробраз. Комиссия по делам несовершеннолетних присылала к нам «дела» воспитанников, в которых подробно описывались разные допросы, очные ставки и прочая дребедень, помогавшая якобы изучить болезнь»¹...

С первого взгляда кажется действительно педагогически целесообразным ознакомиться с этими делами, узнать, кто же прислан в колонию, какие меры принять, чтобы искоренить былые «грехи», выяснить, чего следует опасаться. Но А. С. Макаренко с изумительным педагогическим тактом понял, что малейшее проявление с его стороны интереса к этому прошлому повлечет за собой такой же интерес и у других педагогов и вовсе уже нездоровый интерес к новичку у колонистов. Расспросы последних, во-первых, будут будить у них у самих воспоминания о их прошлом, и, во-вторых, будут поддерживать у новичков обычное в жизни беспризорных подростков ухарство, бахвальство и смакование былых похждений, с нередкими к тому же преувеличениями и приукрашением. Все это вносило бы неизбежный элемент разложения.

«Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И этим я горжусь», — говорил Антон Семенович.

Но основная причина, почему А. С. Макаренко не считал нужным копаться в неприглядном прошлом своих воспитанников, это его уважение к человеческой личности колониста.

Он никогда не относился к своим воспитанникам как к бывшим преступникам. В каждом из них он видел прежде всего человека, старался найти положительные стороны, верил в большие силы и возможности каждого колониста и умел пробудить в каждом из них, за единичными исключениями, эти силы и чувство человеческого достоинства. Антона Семеновича и его воспитанников всегда оскорбляло, когда на

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 213.

колонистов смотрели как на бывших преступников, правонарушителей.

Всякие попытки новоприбывших бахвалиться своим недавним прошлым сурово пресекались старыми колонистами, и уже скоро новички начинали понимать неуместность подобных рассказов и стеснялись даже вспоминать о бывших «подвигах».

Болезненно переживал Антон Семенович и его воспитанники отсутствие в колонии комсомольской организации. Неоднократные хлопоты Макаренко и колонистов успеха не принесли: в Полтаве считали, что правонарушители не могут иметь своей комсомольской ячейки. Только в 1922 году, наконец, удалось преодолеть это неправильное мнение, и в колонии им. Горького была создана комсомольская организация, которая играла большую роль.

Уже в конце первого года своего существования колония присвоила себе наименование: «Колония имени Горького».

Еще в юности А. С. Макаренко увлекся произведениями Горького, учился у Горького ценить человека. Приступая в 1920 г. к организации колонии, Антон Семенович снова обратился к тому же источнику. В статье «Горький в моей жизни» он писал:

«Старый опыт колонии малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным. Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я принужден был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому».

Хорошо знакомый со старой, так называемой классической педагогикой, А. С. Макаренко не нашел в ней разрешения тех воспитательных проблем, которые стали перед ним. Коренной вопрос о взаимоотношениях личности и общества буржуазные и мелкобуржуазные теории, даже для своего времени относительно прогрессивные, решали неправильно, с идеалистических позиций.

А. С. Макаренко поэтому отверг эти теории и стал искать новые пути воспитания. В живой практике колонии им. Горького А. С. Макаренко искал и находил принципиально новые методы воспитания личности человека, ставшего человеком в общественном бытии, в труде коллектива и его борьбе за лучшее будущее.

Это было новое представление о человеке как о творце и деятеле своей судьбы и истории, а не как о пассивном «создании божьем», каким человек изображается у представителей идеалистической педагогики.

В произведениях Горького гордо звучал новый подход к человеку, Горький видел в каждом «огромный диапазон возможностей».

Естественно, что и своих воспитанников Антон Семенович постарался увлечь произведениями Горького. В долгие зимние вечера он устраивал чтение вслух произведений великих русских писателей. Своими рассказами о жизни Горького он пробудил у колонистов любовь к этому великому пролетарскому писателю и гуманисту.

«Сначала не верили, — пишет Антон Семенович, — когда я рассказал действительную историю жизни М. Горького, были ошеломлены этой историей и внезапно увлеклись вопросом:

— Значит, выходит, Горький вроде нас? Вот, понимаешь, здорово!

Этот вопрос их волновал глубоко и радостно. Жизнь М. Горького стала как будто частью нашей жизни. Отдельные ее эпизоды сделались у нас образцами для сравнения...».

Естественно, что колония стала называться колонией им. Горького. Это наименование позволяло избавиться от гнетущего названия колонии несовершеннолетних правонарушителей, прекрасно определило педагогические установки воспитателей во главе с Антоном Семеновичем и устремления воспитанников.

Завели соответствующую печать и штампеля для официальной переписки. Постепенно все учреждения и организации, с которыми приходилось иметь дело, привыкли к этому наименованию. Для самих же колонистов в нем заключалось большое воспитательное содержание.

Хотелось вступить в непосредственное общение с Горьким, но не знали его адреса. Лишь летом 1925 г. направили письмо Горькому в Италию и 19 июля получили от него первое письмо. Затем, в ответ на письма колонистов, последовало второе письмо Горького, где он высказал свое мнение о колонии и об отношении Макаренко к колонистам. «Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой».

С тех пор у Макаренко и колонистов завязалась регулярная переписка с Горьким. Когда в 1928 г. Алексей Максимович приехал в СССР, он посетил колонию, где в это время воспитывалось уже около четырехсот ребят.

Во второй книге журнала «Наши достижения» в 1929 г. Горький поместил статью «По Союзу Советов», в которой дал описание и оценку колонии, находившейся в это время уже в Куряже, близ Харькова.

«С ребятами этой колонии я переписывался четыре года, следя, как постепенно изменяется их орфография грамматика, растет их социальная грамотность, расширяется познание действительности, как из маленьких анархистов, бродяг, воришек, из юных проституток вырастают хорошие рабочие люди».

Характеризуя Антона Семеновича, Горький пишет:

«Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это, бесспорно, талантливый педагог. Колонисты любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он суровый по внешности, малословный человек, лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя «из идейных». Говорит хрипло, сорванным или простудившимся глосом, двигается медленно, всюду поспекает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера».

Осенью 1923 г. весь персонал и колонисты, оставив неудобные здания бывшей колонии для малолетних преступников, перешли в отремонтированные помещения полученного колонией бывшего имения. Из ведения Полтавского губернского отдела народного образования колония перешла в непосредственное подчинение Наркомпросу Украины.

Благодаря умелой организации сельского хозяйства и упорному, слаженному труду колонистов материальное положение колонии им. Горького было прекрасно: с полей получали достаточное количество хлеба и овощей; имели породистых коров, свиней, большой сад; владели мельницей, обслуживавшей нужды колонии и окрестных селений.

По некоторым признакам, несмотря на материальное довольство и внешнее благополучие, Антон Семенович понимал, что внутренний рост колонии приостановился, что нет уже у колонистов былого энтузиазма и устремлений. Дальнейшая жизнь без таких устремлений могла превратиться в обывательское «проживание»: число коров и свиней увеличится вдвое или втрое, появится еще одно здание на территории колонии; спокойная, сытая жизнь, без борьбы, без исканий и идеалов... «Да, мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столярная и тот же ежегодный круг»¹ — думал Антон Семенович.

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 378.

Он понял: «Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива». Человек должен всегда видеть новую перспективу. Материальное благополучие не может быть самоцелью: оно только одно из условий для развития сил человека, который рвется к широким, светлым просторам.

Возможность приложить свои силы к большому новому делу представилась довольно скоро. Вблизи Харькова, в зданиях бывшего Куряжского монастыря, находилась колония, в которой жило двести восемьдесят беспризорников. Куряжские педагоги не сумели наладить с ними никакой воспитательной работы и ограничивались «дежурствами» в своих комнатах, боясь даже показаться в гуще воспитанников. Имущество колонии было расхищено. Ребята ходили в лохмотьях, промышляя воровством на харьковских базарах, кражами в соседних селениях. Школы не было. Ребята приходили в колонию только спать и обедать.

Перед Макаренко и коллективом его воспитанников встала задача «завоевать Куряж». Решили всем составом переселиться туда, спасти погибающих ребят, подчинив их влиянию и режиму горьковцев.

Задача была поставлена очень смело. В колонии им. Горького тогда было сто двадцать воспитанников и среди них сорок новичков, недавно присланных, не успевших еще превратиться в настоящих горьковцев. Надо было оставить обработанные поля, сады, огороды, отремонтированные с большим трудом жилые помещения и прекрасные хозяйственные постройки. В Куряже имелось, правда, сто двадцать гектаров земли, но три четверти было запущено и не обрабатывалось, здания были полуразрушены. А ведь предстояло создавать хозяйство, которое могло бы прокормить около пятисот человек.

Главный вопрос, однако, заключался не в материальном благополучии. Возникало опасение, как бы двести восемьдесят разложившихся куряжан, к которым легко могли присоединиться сорок новичков колонии им. Горького, не одолели небольшой коллектив старых горьковцев.

Но Антон Семенович, решившись на «завоевание Куряжа», был уверен в победе, хотя и понимал, на какой большой риск он идет.

«Как я мог рискнуть не только своей удачей, но и жизнью целого коллектива? Пока это число «280», представлялось мне в виде трех цифр, написанных на бумаге, моя сила казалась мне могучей, но вот сегодня, когда эти двести восемьдесят расположились грязным лагерем вокруг моего ничтож-

кого отряда мальчиков¹, у меня начинает холодеть где-то около диафрагмы, и даже в ногах я начинаю ощущать неприятную тревожную слабость».

Наркомпрос Украины не только не поддерживал А. С. Макаренко, но относился к его воспитательной системе отрицательно и нередко мешал ему работать. С некоторым колебанием он согласился на слияние колонии им. Горького с куряжской колонией, но предложил план «завоевания Куряжа», с точки зрения Макаренко, совершенно неприемлемый: «постепенное проникновение» в Куряж в расчете, что «хорошие мальчики» — горьковцы будут положительно влиять на «плохих» куряжан.

Куряжан всячески настраивали против горьковцев те несколько десятков «педагогов» куряжской колонии и ее заведующий, немедленного увольнения которых потребовал Макаренко.

В противоположность плану постепенного внедрения в Куряж, который навязывался Антону Семеновичу Наркомпросом Украины, Макаренко совместно со своим коллективом горьковцев применил другую тактику.

«Подготавливаясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один молниеносный удар, — куряжан надо было взять сразу. Всякая оттяжка, надежда на эволюцию, всякая ставка «на постепенное проникновение» обращали всю нашу операцию в сомнительное дело. Я хорошо знал, что «постепенно проникать» будут не только наши формы, традиции, тон, но и традиции куряжской анархии. Харьковские мудрецы, настаивая на «постепенном проникновении», собственно говоря, сидели на старых, кустарной работы, стульях: хорошие мальчики будут полезно влиять на плохих мальчиков. А мне уже было известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверенышей»².

После подготовительной работы передового отряда в середине мая 1926 г. совершилось переселение колонии им. Горького в неудобные, захламленные помещения Куряжа. Стройные ряды ста двадцати колонистов-горьковцев со знаменем, под звуки оркестра вступили в Куряж.

Немедленно по прибытии горьковцев состоялось общее собрание, на котором была зачитана и единогласно принята (в том числе, и куряжанами) тщательно разработанная ком-

¹ Речь идет о передовом отряде горьковцев, с которым А. С. Макаренко выехал впервые в Куряж.

² А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 414.

сомольской ячейкой колонии им. Горького декларация, четко определявшая режим на ближайшие дни. После собрания куряжан остригли четыре привезенные из Харькова парикмахера. Куряжане выкупались с мылом (может быть, впервые за несколько месяцев), сдали свои лохмотья и постели в дезинфекционную камеру, специально прибывшую из Харькова, надели форменную одежду колонии им. Горького. Все колонисты — старые и новые — были разделены на двадцать отрядов, назначены командиры отрядов. В заключение состоялся праздничный обед.

Мы подробно остановились на «завоевании Куряжа» потому, что в этой победе А. С. Макаренко ярко проявился стиль работы Антона Семеновича: смелость решения, педагогическое чутье, авторитет и такт педагога, учет психологии воспитанников, умение воздействовать на воспитанников в самых трудных условиях, уверенность в могучей воспитательной силе коллектива.

«Завоевание Куряжа» могло совершиться, и действительно совершилось, только молниеносно. Макаренко в этой операции проявил себя большим педагогом-стратегом.

Вместе с тем он отчетливо понимал, что победу надо закрепить: ошеломленные натиском, зачарованные красиво вступившими в Куряж стройными колоннами горьковцев с их привлекательной символикой и здоровым весельем, куряжане были захвачены неожиданным порывом.

У многих из них даже появилась надежда на возможность лучшей жизни. Но даже такого сознания, не говоря уже об эмоциональном, скоро проходящем, порыве было далеко недостаточно, чтобы преодолеть глубоко въевшуюся расхлябанность, привычку к безделью, непонимание той четкой дисциплины и законов коллектива, которые выработались в колонии им. Горького и прочно усваивались каждым ее воспитанником.

В педагогические чудеса Антон Семенович не верил. Более чем кто-либо другой он на многолетнем опыте хорошо убедился, какие огромные усилия надо приложить педагогу, чтобы поддержать, превратить в длительный огонь мелькнувшие в воспитанниках искры долга и чести, дисциплины и труда. Легко, пожалуй, вызвать их. Но часто, вспыхнув даже ярко, они быстро гаснут. Трудно пробудить сознание, но тем более трудно развить и направить волю воспитанников, особенно если вся предыдущая жизнь приучила их к расхлябанности.

И действительно, на следующий день «настроение у куряжан с самого утра было прекрасное, и все-таки к обеду выяснилось, что работают очень плохо. После обеда многие

уже не вышли на работу, где-то попрытались, часть по привычке потянулась в город».

Что надо было делать при создавшихся обстоятельствах?

«Взяться за внешние дисциплинарные меры, которые так выразительно и красиво действуют в сложившемся коллективе, было опасно», это при многочисленности нарушителей потребовало бы много времени и было бы неэффективно. К тому же возникла опасность, что неподчинение хотя бы нескольких куряжан дисциплинарным взысканиям опрокинет всю систему взысканий, подорвет авторитет педагогов.

А. С. Макаренко продумал план действий до конца: целой системой разнообразных педагогических приемов, тонко психологически рассчитанных и объединенных единой логикой, удалось при поддержке коллектива старых горьковцев в течение короткого сравнительно времени преодолеть и эти затруднения.

«И снова пошли один за другим строгие и радостные рабочие дни, полные забот, маленьких удач и маленьких провалов». Жизнь в Куряже наладилась под искусным руководством Макаренко такой же, какой она была в прежней колонии им. Горького. Сложнее лишь стало направлять огромный коллектив воспитанников, шире стал размах работ. Кроме сельского хозяйства, которое надо было наладить быстро, так как впереди была зима 1926/27 г., когда нужно было прокормить уже не 150, а около 450 человек, надо было организовать работу в деревообделочных мастерских, изготавливающих для колонии и на заказ мебель и кое-какую утварь, в швейной, сапожной и других мастерских, которые обслуживали колонистов.

Школа с обязательным для всех воспитанников обучением имела уже шесть классов. Успешно работал клуб. Открыли кино, куда охотно ходили не только колонисты, но и жители окрестных селений.

В 1927 г. украинские чекисты на собранные ими средства решили создать памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому — коммуны его имени для беспризорных детей. Вблизи Харькова строился просторный красивый дом, хозяйственные помещения, мастерские. Антону Семеновичу и колонии им. Горького поручили подготовить коммуны им. Дзержинского к открытию.

Коммуна была рассчитана первоначально на сто воспитанников. По просьбе ее организаторов, чтобы создать крепкий коллектив, колония им. Горького дала шестьдесят своих воспитанников в первый состав коммунаров, остальные были приняты с улицы. В декабре 1927 г. состоялось открытие

коммуны. До осени 1928 г. Антон Семенович заведывал и колонией им. Горького и коммуной им. Дзержинского.

У организаторов этой коммуны Антон Семенович с самого начала встретил полное одобрение своей педагогической системы, готовность пойти навстречу его начинаниям.

Далеко не таково было, однако, отношение к его методам со стороны некоторых руководителей Наркомпроса УССР и кабинетных «теоретиков» педагогики и лженауки педологии, извращавших педагогику как науку.

В Наркомпрос Украины пробрались в то время вредители — буржуазные националисты. Немало кабинетных теоретиков педагогики и лженауки педологии засело в украинских педагогических вузах и научно-исследовательских учреждениях. Этот, по выражению Антона Семеновича, «педагогический Олимп» при поддержке вредителей из Наркомпроса отрицательно относился к стремлениям А. С. Макаренко установить четкую дисциплину, развить в воспитанниках чувство долга и чести.

Макаренко вкладывал в эти понятия пролетарский смысл, но «педагогический Олимп» решительно отвергал даже эти термины, утверждая, что категории долга и чести—это будто бы категории сугубо буржуазные. «Советская педагогика,— вещали они,— стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и склонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Макаренко уже тогда, в 20-х годах, воспитывал у колонистов чувство чести колонии, отряда, коллектива. Как известно, советская педагогика воспитанию этого чувства придает огромное значение. Об этом говорится в пункте 20-м «Правил для учащихся», изданных в 1943 г.

Особенно ужасались некоторые «профессора»-педологи элементами военизации и введенной Макаренко символикой: знаменем колонии, военным строем, отрядами, рапортами, советом командиров, военными сигналами и салютами, беспрекословным подчинением колониста командиру отряда. Все эти элементы, способствовавшие установлению четкой дисциплины, украшавшие жизнь колонии, презрительно именовались представителями «педагогического Олимпа» «командирской педагогикой».

Их возмущал, с одной стороны, авторитет педагога, который установил Антон Семенович, а с другой — большие реальные права совета командиров, которые Антон Семенович умело сочетал с авторитетом педагога. «Они понимали дисциплину только как «самодисциплину», без приказов, призывов и запрещения педагога. Организацию они мыслили только как детскую «самоорганизацию».

Придерживаясь теории «свободного воспитания», принесшей много вреда советской школе, они слащаво подходили к детям с лозунгами «Дети — цветы жизни», «Относитесь к детству с благоговением» и возмущались требовательностью и в нужных случаях даже здоровой суровостью Макаренко.

Эти и множество других нападок представителей Украинского Наркомпроса сильно мешали работе Макаренко. Вспоминая о них в «Педагогической поэме», Антон Семенович писал: «Такие столкновения не имели, конечно, никаких горестных результатов для текущего дела, но они создавали вокруг меня невыносимое организационное одиночество, к которому, впрочем, можно и привыкнуть. Я уже научился понемножку каждый новый случай встречать с угрюмой готовностью претерпеть, как-нибудь пережить»¹.

Антон Семенович так горячо любил созданную им колонию им. Горького, так сжился со своими воспитанниками, что эти помехи не могли заглушить общего впечатления счастья: «Как ни трудно было мне, как ни туманно было впереди, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями. Коллектив горьковцев был для меня роднее коммунаров. В нем были крепче дружеские связи, больше людей с высокой самооценкой.... И горьковцам я был нужнее.... у горьковцев, кроме меня и небольшой группы воспитателей, близких людей не было. И поэтому я никогда не думал, что настанет время, и я уйду от горьковцев. Я вообще не способен был представить себе такое событие. Оно могло быть только предельным несчастьем в моей жизни»².

А между тем это событие произошло довольно скоро. Летом 1928 г. Антон Семенович был вызван в Наркомпрос УССР для отчета о своей работе. Он сделал подробный доклад, изложив основы своего воспитательного опыта и его результаты в Ученом совете Наркомпроса. После пристрастного обсуждения доклада совет вынес издевательскую «резолюцию»: «Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская».

Враждебное отношение со стороны руководителей Наркомпроса не сломило А. С. Макаренко. Он знал, что идет по правильному, советскому пути. Он пользовался поддержкой

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 606.

² Там же, стр. 618.

Группа куряжан в 1927 г. Справа школьное здание

Здание коммуны им. Дзержинского в 1931 г.

многих советских учреждений и особенно работников ГПУ, которые умели ценить его воспитательную работу.

Поддерживало Антона Семеновича и внимательное отношение к нему А. М. Горького. Когда весной 1928 г. отношения с Наркомпросом Украины у Антона Семеновича обострились, он сообщил об этом Горькому. Алексей Максимович 9 мая 1928 г. отвечал ему: «Горестное письмо Ваше получил.... Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю.... Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи».

Нет, Антон Семенович не хотел вмешивать в это дело Горького, прибегать к его протекции. Он сознавал свою правоту. Горький приехал в СССР вскоре после приведенного выше письма. В июле он посетил колонию своего имени. Посетил тогда, когда Антон Семенович после осуждения его воспитательной системы руководством Наркомпроса УССР решил уже уйти из колонии.

Ни одним словом, ни одним намеком не омрачил Антон Семенович радость свидания своего и колонистов с так долго ожидаемым Горьким. Ни слова не сказал он и колонистам, но заблаговременно позаботился устроить колонистов-выпускников на работу в харьковских заводах и на рабфак.

Едва отошел поезд, увозивший Горького, Антон Семенович, проводив уезжавших пригородным поездом в Куряж колонистов, сам отправился с колонной коммунаров в коммуны им. Дзержинского, передав под предлогом отпуска заведывание колонией им. Горького одному из своих сотрудников.

В Куряже он больше не появлялся.

В этом расставании с дорогой для него колонией им. Горького сказались большая нравственная красота и высота личности Антона Семеновича и его большой педагогический такт. Он один перенес всю тяжесть вынужденного ухода из колонии им. Горького, предоставив времени постепенно смягчить у его бывших воспитанников-горьковцев чувство горечи от потери такого воспитателя, каким был он.

КОММУНА им. ДЗЕРЖИНСКОГО

„12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены... Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение на мой взгляд“.

(Из письма А. М. Горького А. С. Макаренко от 30 января 1933 г.)

Коммуна им. Дзержинского была открыта на окраине Харькова 29 декабря 1927 г.

Вначале в коммуне было сто шестьдесят воспитанников (в том числе пятьдесят девочек) в возрасте тринадцати-семнадцати лет. Шестьдесят из них были взяты из колонии им. Горького для того, чтобы создать организующее ядро.

Место для коммуны было выбрано очень удачно: опушка леса, с одной стороны, открытое поле — с другой, фруктовый сад, цветники. Устроены площадки для тенниса и крокета. Дом был просторный двухэтажный, простой архитектуры. Внутри много света и воздуха, паркетные полы, красивая отделка комнат, изящная, простая мебель.

Организаторы и шефы коммуны—чекисты, выделившие из своей среды правление коммуны, не пожимали презрительно плечами по поводу приемов и методов воспитательной работы Макаренко, а наоборот, зная, что эти методы неизменно приводят к успеху, оказывали ему всяческую поддержку.

Восемь лет, с 1928 по 1935 гг., проработал Антон Семенович в коммуне им. Дзержинского, сделав ее единственным в своем роде образцовым по постановке и удивительным по результатам воспитательным учреждением.

А. М. Горький в своем письме к Макаренко от 30 января 1933 г. писал: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение на мой взгляд».

И это действительно так. «Педагогическая поэма» пере-

ведена и издана во многих странах мира. Коммуну им. Дзержинского посетило много тысяч людей — многочисленные делегации и отдельные лица, видные деятели всех областей жизни: рабочие Москвы, Ленинграда, Баку, участники автопробегов, летчики, артисты, педагоги, ученые СССР, делегации рабочих, педагогов, ученых всех стран, политические деятели, журналисты, писатели, деятели искусства.

Их записи в книге для посетителей коммуны им. Дзержинского¹ единодушно свидетельствуют о громадном впечатлении от коммуны. Особенно восхищались посетители организованностью коллектива, постановкой трудового воспитания, дисциплиной коммунаров, распорядком всей жизни коммуны. На посетителей большое впечатление производили: высоко развитое чувство товарищества, большая любовь коммунаров к педагогам, их жизнерадостность, чувство человеческого достоинства, сдержанная и вместе с тем приветливая вежливость коммунаров.

«Получил неизгладимое впечатление от коммуны имени Дзержинского», записал 7 ноября 1934 г. папанинец, участник экспедиции на северный полюс Э. Кренкель.

«Мы гордимся нашей родиной, только в которой могут быть подобного рода учреждения, создающие здоровое племя строителей социализма», — пишет 14 июля 1936 г. группа работников театра имени Немировича-Данченко, отмечающая любовное отношение педагогов коммуны к детям и образцовую постановку воспитания.

Рабочая делегация лучших ударников одного из московских заводов оставляет 14 мая 1934 г. запись: «Свежесть, здоровье, бодрость. Чистота, уют и опрятность. Производители и общественники. Политики и организаторы. Вот, что мы увидели».

Много записей оставили делегации и отдельные деятели других стран. Делегация Латинской Америки, в которой были представители Мексики, Бразилии, Аргентины, Перу, посетив 20 августа 1929 г. коммуну им. Дзержинского, пришла в восторг от постановки воспитательной работы в ней и оставила запись:

«Делегация Латинской Америки изумлена теми достижениями, которые имеются в первой пролетарской стране. Одним из лучших этих достижений является коммуна им. Дзержинского, где создается новый человек, где выковывается новая психология ребят...»

¹ Книга хранится в архиве А. С. Макаренко (Лаборатория по изучению наследства А. С. Макаренко Академии педагогических наук РСФСР).

Можно было бы привести десятки таких отзывов. Их оставили люди, приезжавшие сюда из Франции, Америки, Англии, Канады, Египта и других стран. Горький нисколько не преувеличивал, говоря, что педагогическая деятельность Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского имеет мировое значение.

В книге для посетителей — около трехсот шестидесяти записей на различных языках мира. Многие из этих отзывов особо отмечают трудовое воспитание дзержинцев.

В коммуне были организованы мастерские: деревообделочная, слесарная, токарная, швейная. Кроме удовлетворения нужд коммуны, первые три из этих мастерских уже с самого начала стали выполнять крупные заказы со стороны.

Начинали производство, используя отчасти наемных рабочих, число которых, по мере того как коммунары овладевали всеми процессами производства, сокращалось. Впоследствии взрослые наемные рабочие остались только в таких цехах, где работа для детей и подростков была непосильна (кузнечном, литейном и т. п.). Ребята получали зарплату по расценкам взрослых рабочих; четыре пятых заработка вносили в коммуну.

Уже к середине второго года своего существования коммуна не только обходилась своими средствами, но стала создавать накопления, так как прибыль от мастерских с каждым месяцем возрастала: в апреле 1930 г. она составляла тысячу рублей, в мае — 5 тысяч, в августе — уже 22 тысячи.

В дальнейшем на средства коммуны были построены два завода: электросверл и фотоаппаратов типа «лейка». То и другое производство были впервые поставлены в СССР. Работали там воспитанники, число которых впоследствии дошло до 600. Из взрослых состоял только инженерно-технический персонал и бухгалтерия.

Коммуна настолько хорошо поставила производство, что на 1 января 1934 г. имела уже 3 600 тыс. рублей чистой прибыли. Коммунары хорошо овладели производственными операциями, которые (особенно в производстве фотоаппаратов) требовали очень тонкой работы (некоторые детали обрабатывались с точностью до 0, 001 миллиметра). Воспитанники работали только 4 часа в день, остальное время уделяя учению в школе-десятилетке. Обучение в ней было обязательным. При ежедневных занятиях коммунары успешно овладевали курсом средней школы. Об этом свидетельствуют высокие результаты приемных экзаменов коммунаров при поступлении в вузы.

Сам Антон Семенович всячески поощрял стремление своих воспитанников к высшему образованию, прилагал боль-

шие усилия для организации в руководимых им учреждениях рабфака. Он лично подбирал преподавателей для школы.

Система организации коллектива в коммуне была такой же, как в колонии.

Высшим органом в коммуне было общее собрание коммунаров. Большую роль играл совет командиров производственных отрядов, на которые делились все коммунары (в отряд входили воспитанники разных возрастов по пятнадцать человек). Во главе совета командиров стоял секретарь. На каждый день назначался дежурный по коммуне, обладавший на время своего дежурства правами уполномоченного от всего коллектива воспитанников. Дежурный по коммуне и дежурный член санитарной комиссии ежедневно утром обходили все спальни коммунаров, проверяя их санитарное состояние и готовность коммунаров к работе. В каждой спальне их встречали рапортами командир отряда, расположенного в этой спальне, и дежурный по спальне. Все коммунары приветствовали вошедших, стоя «смирно» у своих мест.

Подъем, сбор к завтраку, выход на работу, сбор на обед, отход ко сну, сбор совета командиров и общего собрания производились по особому для каждого случая сигналу горнста.

Антон Семенович и коммунары умели ценить время. Деловые общие собрания занимали всего (со сборами) около получаса. Каждое выступление на собрании продолжалось одну-две минуты.

Ежедневно каждый командир отряда отчитывался рапортом. Большой частью рапорты были очень лаконичными: «В третьем отряде все благополучно», иногда добавлялось: «Обратить внимание на такого-то», с указанием его проступка.

Совет командиров собирался по мере надобности. Оперативность, действенность совета командиров—боевого штаба коммуны — поддерживали высокий темп жизни коммуны. Антон Семенович присутствовал на всех собраниях. Жизнь была так налажена, направление ей дано настолько авторитетно и умело, что решения общего собрания и совета командиров не противоречили установкам Антона Семеновича.

Очень широко и разнообразно была поставлена в коммуне культурная внешкольная работа: технические, образовательные и художественные кружки, клуб, театр, кино, библиотека.

Коммуна имела свой театр, где спектакли ставились коммунарами, а иногда харьковскими артистами. Духовой оркестр коммунаров, насчитывавший шестьдесят человек, считался лучшим самодеятельным оркестром в Харькове.

Коммунары любили спорт: лыжи, коньки, теннис и др. Особое внимание уделялось военному обучению. Когда коммунары в праздники проходили по городу, ими нельзя было не любоваться: с оркестром впереди, стройные здоровые юноши и девушки, мальчики и девочки в красивой, вместе с тем простой одежде производили прекрасное впечатление.

Хорошо работая десять месяцев в году, коммунары умели красиво отдыхать в течение двухмесячных летних каникул. Весь состав коммунаров и педагогов во главе с Антоном Семеновичем совершал каждое лето туристские походы, ежегодно меняя маршруты.

Восьмилетняя работа А. С. Макаренко в колонии им. Горького была периодом создания и роста коллектива как главной организующей формы воспитания, творческим процессом создания новых экономных и действенных методов воспитания. В борьбе за нового человека преодолевались в сознании и поведении людей пережитки старого. В колонии им. Горького в исканиях новых форм и методов воспитания формировался как педагог и сам Макаренко.

Коммуна им. Дзержинского — это построенный Антоном Семеновичем воспитательный коллектив в действии, в расцвете его сил и возможностей; коллектив с уже сложившимися принципами, методами и даже традициями; это — уверенное применение талантливым педагогом того, что он выстрадал, продумал, проверил и установил; того, чему он всецело отдал свой огромный талант и энергию, всю свою жизнь.

Поэтому так изумительны достижения коммуны им. Дзержинского за короткие восемь лет ее существования.

Людам, не понимающим педагогического творчества Макаренко, казалось, что эти достижения, описанные в книге «Флаги на башнях», преувеличены, приукрашены.

Возможно ли, чтобы подростки, почти дети, поставили впервые в СССР сложное производство электросверл и прекрасных фотоаппаратов «ФЭД», работая всего по четыре часа в день? Многим не верилось, что в течение восьми лет, получив на строительство лишь государственную ссуду на тот же срок и с теми же условиями погашения, как и всякое другое предприятие, коммуна построила и оборудовала два завода и полностью окупила содержание нескольких сот ребят и педагогического персонала, построила ряд зданий, развернула широкую культурную работу.

Возможно ли, чтобы, работая на сложных производствах, ребята в то же время получали в обычный срок полноценное среднее образование?

Возможно ли, чтобы в очень короткий срок бывшие беспризорники превращались в новых людей, прекрасных ра-

ботников, настоящих граждан социалистического общества?

Да, это не сказка! Вот фотографии корпусов и цехов этих заводов, снятые фотоаппаратами «ФЭД», сделанными руками коммунаров в этих цехах.

Вот выписка из бухгалтерского баланса коммуны им. Дзержинского на 1 января 1934 г., через шесть лет со дня ее основания: 3 600 тысяч рублей чистой прибыли.

Вот передо мною раскрытая книга посетителей «Трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского», полная восторженных отзывов о коммуне и коммунарах тысяч людей со всех концов мира, которые видели эту коммуну воочию.

И вот, наконец, самое ценное, что дала коммуна им. Дзержинского как педагогическая система А. С. Макаренко в действии: ее бывшие воспитанники — военные, инженеры, врачи, педагоги, квалифицированные рабочие-станхановцы, отважные борцы с немецко-фашистскими захватчиками. А пришли в коммуну эти люди, как говорит Антон Семенович в книге «Флаги на башнях», «испорченными капиталистической «культурой», с маленьким креном в уголовщину». Антон Семенович так описывает пройденный путь:

«Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция и новые горизонты мира. И поэтому Захарову¹ и его друзьям задача казалась ясной: воспитать нового человека! В первые же дни выяснилось, что дело это очень трудное и длинное. Тысячи дней и ночей без передышки, без успокоения, без радости пришлось пережить Захарову, но и после этого до нового человека оставалось еще очень далеко. К счастью, Захаров обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, — талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее.... Новое рождалось в густом экстракте¹ старого: старых бедствий, голода, зависти, озлобления — толкотни и тесноты человеческой, и еще более опасных вещей: старой воли, старых привычек и старых образцов счастья. Старого обнаружилось очень много, и оно не хотело умирать мирно, оно топорищилось, становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова, лезло под руки и под ноги, говорило речи и сочиняло законы воспитания. Старое умело даже писать статьи, в которых становилось на защиту «советской педагогики».

Было время, когда это старое в самых новых выражениях куражилось и издевалось над работой Захарова и тут же требовало от него чудес и подвижничества. Старое ставило перед ним сказочно глупые загадки, формулируя их в на-

¹ В лице Захарова Антон Семенович в „Флагах на башнях“ изобразил себя.

учно-нежных словах, а когда он совсем не по-сказочному изнемогал, старое показывало на него пальцами и кричало: «Он потерпел неудачу».

Но пока происходили все эти недоразумения, протекали годы, и было уже много нового, над чем хорошо стало задуматься. Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители.

Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерить. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: «Будьте настоящими людьми!»

Они с молодым, благородным талантом принимали эти требования и хорошо знали, что в этом требовании больше уважения и доверия к ним, чем в любом «педагогическом подходе». Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины...

Старое цепко держалось на земле, и Захаров то и дело сбрасывал с себя отжившие предрассудки. Только недавно он сам освободился от самого главного «педагогического порока»: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети — это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности.

И тогда Захаров предъявил к ним последнее требование: никаких срывов, ни одного дня разложения, ни одного момента растерянности! Они с улыбками встречали его строгий взгляд: в их расчеты тоже не входило разложение.

Наступили годы, когда Захарову уже не нужно было нервничать и с тревогой просыпаться по утрам. Коллектив жил напряженной трудовой жизнью, но в его жилах пульсировала новая, социалистическая кровь, имеющая способность убивать вредоносные бактерии старого в первые моменты их зарождения»¹.

¹ А. С. Макаренко. Флаги на башнях, 1939, стр. 133—136.

МАКАРЕНКО — ПИСАТЕЛЬ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

„На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание души“.

„На мой взгляд, „Поэма“ очень удалась Вам“.

(Из писем Горького к А. С. Макаренко в 1932—1933 годы.)

Макаренко оставил большое литературное наследство. Далеко не все, написанное им, опубликовано, хотя количество уже напечатанных произведений Антона Семеновича (книг, рассказов, статей) дошло до ста.

Свое замечательное произведение — «Педагогическую поэму» Макаренко начал в 1925 г. Первую часть он закончил в 1928 г., но не решился тогда показать ее Горькому.

Прошло пять лет, в течение которых он продолжал работать над «Поэмой». Первая часть ее была напечатана в 1933 г. в «Альманахе», а следующие части в 5-й и 8-й книгах того же журнала за 1933—1935 годы. Затем быстро последовали отдельные издания в 1935—1937 гг. (два издания) и 1940 году. Гослитиздат издавал и переиздавал «Педагогическую поэму» как классическое произведение советской литературы. После 1940 г. последовало еще несколько изданий «Педагогической поэмы» на русском, украинском, эстонском и латышском языках.

В 1947 году «Педагогическая поэма» была переиздана издательством «Советский писатель» и издательством «Правда» (приложение к журн. «Огонек»). Гослитиздат выпустил в 1948 г. иллюстрированное издание «Педагогической поэмы».

До «Педагогической поэмы» Антон Семенович написал небольшую книгу «Марш тридцатого года», в которой дал очерки коммуны им. Дзержинского.

Рукопись пролежала в издательстве два с лишним года и, как указывает Макаренко, неожиданно для него была напечатана в 1932 г.

«Я не встретил ее, — пишет Антон Семенович, — ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах и газетах, я не видел ее в руках читателей, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие. Поэтому был несказанно удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 года получил из Сорренто (от Горького) письмо, начинающееся так: «Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года», читал с волнением и радостью....». После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня. Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал: «Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу....». В теплые места я не поехал: некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1930 года я привез ему свою книгу — первую часть».

А. М. Горький высоко оценил «Педагогическую поэму», назвав ее одним из замечательных произведений советской художественной литературы. Ею зачитывались и молодежь и старики. На нее в библиотеках записывались длинные очереди. Она вызвала поток писем к Антону Семеновичу со всех концов СССР.

Это книга безграничной любви к человеку, раскрывающая огромные силы и возможности человека-борца. Она будит волю к жизни и деятельности, показывает, как «шестьует мятежный человек вперед и выше, все вперед и выше». Она наполняет читателя огромной радостью трудовой жизни; на многочисленных примерах духовного роста колонистов, таких разных по своему характеру, показывает, что «человек ценен своим сопротивлением силе жизни».

Неудивительно поэтому, что среди многих сотен писем-откликов на этот гимн человеку есть письмо читательницы, которая пишет, что она, испытав тяжелые потрясения в жизни, была близка к самоубийству, но «Педагогическая поэма» вернула ей желание жить, открыла ее, открыла ей смысл жизни.

А. С. Макаренко вдохновенно рисует красоту и силу человека, увлекательность творческого человеческого труда.

«Педагогическая поэма» — это гимн Великой Октябрьской революции, гимн открытым ею невиданным перспективам.

В «Педагогической поэме» Макаренко показал, как человек, отягощенный наследием старого мира, одичавший в

своем своеволии и стихийном конфликте с эксплуататорским обществом, перевоспитывается в условиях советской действительности, когда впервые для каждой человеческой личности создана возможность счастья в единении с другими, в дружном и радостном совместном труде, когда создалось «единство движения и работы, ответственности и помощи», как говорил Макаренко.

Эта волнующая книга показывает громадное значение и великие возможности советского воспитания. Она будит любовь к воспитательной работе. В трудные дни сомнений и неуверенности в своих силах «Педагогическая поэма» поддерживала тысячи молодых педагогов, помогала им преодолеть временные затруднения. Многих эта книга заставила полюбить профессию учителя.

Макаренко возвел советскую педагогику на ступень подлинной поэзии; поэтому книга его с полным правом называется «Педагогической поэмой».

Как художественно-педагогическое произведение «Педагогическая поэма» не имеет себе равных в мировой литературе. В ней ярко показаны радость творческого труда педагога, педагогическое новаторство, раскрыта новая, стройная, глубоко продуманная педагогическая система, показано, как зарождалась и развивалась эта система в живом процессе воспитательной практики и к каким замечательным результатам привела.

Написанная очень живо, образно, правдиво, с большим юмором, книга дает глубокие, тонкие психологические характеристики педагогов, сотрудников и воспитанников колонии им. Горького.

Особенность литературного творчества А. С. Макаренко заключается в том, что он всегда идет от эпизода, от поступка и поведения каждого действующего лица, к раскрытию его психологии.

Как большой художник и психолог, А. С. Макаренко несколькими штрихами, умело построенным диалогом, почти без пояснительных авторских замечаний и описаний, ярко раскрывает внешний облик, характер и переживания действующих лиц, своеобразие и разнообразие педагогических воздействий. Необычайно сильна психологическая убедительность каждого портрета и каждого эпизода. Недаром Горький говорил, что Антон Семенович умел обрисовать каждого колониста пятью словами и притом так, как будто делал фотографический снимок с его характера.

Приведем в качестве примера случай с Опришко:

«Из коллектора он (Опришко) ни за что не хотел отправляться в колонию, и мне пришлось лично ехать за ним.

Он встретил меня, лежа на кровати, презрительным взглядом:

— Пошли вы к чорту, никуда я не поеду!

Меня предупредили о его героических достоинствах, и поэтому я с ним заговорил очень подходящим тоном:

— Мне очень неприятно вас беспокоить, сэр, но я принужден исполнить свой долг и очень прошу вас занять место в приготовленном для вас экипаже.

Опришко был сначала поражен моим «галантерейным обращением» и даже поднялся с кровати, но потом прежний каприз взял в нем верх, и он снова опустил голову на подушку.

— Сказал, что не поеду!.. И годи!

— В таком случае, уважаемый сэр, я, к великому сожалению, принужден буду применить к вам силу.

Опришко поднял с подушки кудрявую голову и посмотрел на меня с неподдельным удивлением.

— Смотри ты, откуда такой взялся? Так меня и легко взять силой!

— Имейте в виду...

Я усилил нажим в голосе и уже прибавил к нему оттенок иронии:

— дорогой Опришко...

И вдруг заорал на него:

— Ну, собирайся, какого чорта развалился! Вставай, тебе говорят!

Он сорвался с постели и бросился к окну:

— Ей-богу, в окно выпрыгну!

Я сказал ему с презрением:

— Или прыгай немедленно в окно, или отправляйся на вост, — мне с тобой волынить некогда.

Мы были на третьем этаже, поэтому Опришко засмеялся весело и открыто.

— Вот причепились! Ну что ты скажешь? Вы заведующий колонией Горького?

— Да.

— Ну так бы и сказали! Давно б поехали.

Он энергично бросился собираться в дорогу».

Небольшая сценка, а как она динамична! Сколько в ней действия и психологических переходов!

Вы как будто видите перед собой все движения действующих (именно действующих, а не описанных) лиц, слышите быстро меняющиеся переходы интонаций их голосов. И понимаете, убеждаетесь, что именно так надо было воздействовать на этого Опришко.

Таких психолого-педагогических сценок, чарующих педагогическим мастерством умело найденного воздействия и ли-

тературным мастерством художественного изображения, в «Педагогической поэме» много (случай с Карабатовым — подход доверия; случай с Марусей Левченко — выражение недоверия; описание обеда прогульщика Криворучко — воздействие всего коллектива колонистов и т. д.).

Как живые, встают перед вами Бурун, Задоров, Карабатов, Ховрах, Калина Иванович, Отченаш, Шере, супруги Осиповы, представители «педагогического Олимпа», то «корректно-кабинетно теоретизирующие», как профессор Чайкин, то язвительно враждебные, как «товарищ Зоя» или Брегель.

Антон Семенович любил говорить, что человек неповторим; и действительно, в созданной им богатой галлее образов каждый человек оригинален, сохраняет свою индивидуальность, хотя все колонисты, педагоги, сотрудники колонии живут едиными стремлениями.

Это сочетание коллективного и индивидуального составляет особую прелесть «Педагогической поэмы» как художественного произведения. То же единство коллективного и индивидуального, авторитета педагога и больших прав коллектива, свободы и необходимости, общественного долга и личного интереса составляет характерную особенность всей педагогической системы А. С. Макаренко.

«Педагогическая поэма» правдива. Это — книга о громадных исканиях и достижениях, но вместе с тем Макаренко не боится показывать срывов, не скрывает больных мест, не подкрашивает действительности. Наоборот, о тяжелых эпизодах жизни колонии он говорит подробно, а о достижениях — лаконично, просто, с какой-то особенной макаренковской сдержанностью.

В своих отношениях с колонистами А. С. Макаренко был честен и мужествен. Он не скрывал от них трудностей, учил своих воспитанников, что жизнь трудна, но радуется только тех, кто умеет преодолевать трудности. Макаренко и его воспитанники не останавливались перед трудностями, не избегали их: наоборот, шли им навстречу, как, например, в случае с переселением в Куряж. «Чем труднее, тем лучше», «Не пищать» — эти бодрые призывы стали девизом всей жизни колонии.

«Педагогическая поэма» — книга большого социалистического гуманизма, жизнерадостного мироощущения, книга о больших возможностях, силе и красоте человека — о самом главном, что мы привыкли ценить в человеке, по выражению Антона Семеновича.

Макаренко умеет находить глубокие лирические слова, когда говорит о своих воспитанниках, которым он отдал свою

большую, красивую любовь. Он не восторгается, не вздыхает, но с обычной своей сдержанностью тепло вспоминает о них, и именно эта сдержанная любовь, избегающая сильных выражений, обнажающих признаний, производит впечатление большой внутренней силы.

Как волнующе просто, сдержанно и вместе с тем глубоко и сильно звучат слова, которыми Антон Семенович вспоминает своих воспитанников:

«Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня теперь трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймаете инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовете на свиданье врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисинев и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов».

Как прекрасно подобраны эпитеты, как образны отдельные выражения («не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии...»). Глубокое чувство Антон Семенович умеет передать сильными, предельно краткими и выразительными словами.

Одинаково хорошо удаются Антону Семеновичу сцены, полные юмора (приход в колонию сватов, изображение спектакля «Азеф», отрезвление пьяных помольщиков, угощение на свадьбе Ольги Вороновой и др.), драматические эпизоды, психологические характеристики, ирония по адресу представителей «педагогического Олимпа».

«В «Поэме» нет однообразия, надуманных диалогов, трафаретных, облюбованных писателем приемов. Она вся искрится блестками юмора и жизнерадостности, разнообразием типов, остротой эпизодов, радуется прекрасным художественным словом, волнует сильными переживаниями действующих лиц.

«Педагогическая поэма» переведена на французский, испанский, английский, польский, чешский, немецкий и другие языки.

В 1935 г. Антон Семенович оставил работу в коммуне им. Дзержинского, переехав сначала ненадолго в Киев, затем в Москву, и с присущей ему энергией занялся кипучей литературной работой, выполняя завет А. М. Горького, который еще в 1933 г. писал ему: «...о неопенимых трудах Ваших никто не знает, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете».

«Педагогическая поэма», как уже сказано, вызвала огромный поток писем к Антону Семеновичу от учителей и особенно родителей. Они спрашивали его советов, делились с ним своими тревогами и неудачами, просили указаний, как поступить в конкретных трудных случаях воспитательной практики.

Антон Семенович часто выступал на собраниях учителей и родителей в Москве и Ленинграде с докладами по отдельным вопросам воспитания, консультировал родителей, обращавшихся к нему непосредственно.

Семейное воспитание, роль семьи в воспитании детей были в то время наименее разработанными в педагогике вопросами. Об этом говорили бесчисленные письма родителей к Антону Семеновичу, огромное количество записок после каждого выступления А. С. Макаренко с лекцией или докладом.

А. С. Макаренко считал своим гражданским долгом обратиться к этой важнейшей области воспитания, не получившей достаточного освещения в педагогике.

Так родилось второе большое литературное произведение Антона Семеновича «Книга для родителей», напечатанная в журнале «Красная новь» в 1937 г. и вышедшая в том же году отдельным изданием.

В своей речи 9 мая 1938 г. на Станкозаводе им. Орджоникидзе, обращенной к читателям «Книги для родителей»¹, Антон Семенович подробно рассказал о мотивах, по которым он решил написать эту книгу, и о своих авторских замыслах по этой книге. В своем выступлении А. С. Макаренко указывал: «Последние два года мне пришлось исключительно уже работать по вопросам воспитания в семье и заняться исследованием путей помощи семье в ее воспитательной работе. И вот у меня накопилось очень много впечатлений, наблюдений, опыта, мыслей, и я, с большой, правда, робостью, прямо скажу, приступил к этой книге». Далее в том же выступлении Антон Семенович указывал, что ни в русской, ни в мировой литературе нет таких книг, так что не у кого поучиться, как такую книгу писать. С большой авторской скромностью он признается, что это обстоятельство рождало у него некоторые опасения, справится ли он с такой новой темой, но книга была действительно необходима, написать ее он считал своим гражданским долгом.

«Книга для родителей», как об этом говорил Антон Семенович в той же речи, была задумана в четырех томах.

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Под редакцией Е. Н. Медынского. Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 234—250.

В первом томе, который он успел написать и выпустить в свет, рассмотрены поэтому не все вопросы воспитания в семье,—в этой первой книге (говорил А. С. Макаренко) «я хотел только коснуться вопроса о структуре семьи и о тех причинах, которые эту структуру в той или иной мере нарушают, иногда катастрофически, например, уход одного из родителей в новую семью, а иногда и по мелочам».

Во втором, третьем и четвертом томах Антон Семенович предполагал рассмотреть вопросы воспитания воли и характера, воспитания чувства «устойчивых нравов», воспитания «чувства красоты» (понимая под этим не только красоту в природе и в искусстве, но и «красоту поступков»). Преждевременная смерть (последовавшая через 10 месяцев после этого выступления Антона Семеновича) не дала ему возможности довести до конца авторский замысел по «Книге для родителей».

В этой книге дан тонкий психолого-педагогический анализ различных приемов семейного воспитания, типов родителей и детей. Часть описанных случаев вскрывает ошибки семейного воспитания. Картины взаимоотношений родителей и детей, зарождения отрицательных черт у детей и развития их вследствие неправильного воспитания отличаются характерной для Макаренко живостью, образностью, глубиной психологического анализа. Бытовые эпизоды перемежаются с теоретическими рассуждениями автора.

В 1937 г. журнал «Октябрь» начал печатать роман Макаренко «Честь». В романе, как уже упоминалось, были охарактеризованы родители А. С. Макаренко и описан рабочий поселок, в котором он провел свое детство.

В следующем, 1938 г., в журнале «Красная новь» напечатана повесть Антона Семеновича в трех частях — «Флаги на башнях», художественно изображающая жизнь и работу коммуны им. Дзержинского.

«Педагогическая поэма» рисует возникновение и становление воспитательного коллектива, искание методов воспитания. В «Флагах на башнях», как бы завершающих «Педагогическую поэму», изображены жизнь и достижения уже окрепшего, торжествующего воспитательного коллектива.

В этом произведении поставлены и решены многие сложнейшие вопросы теории воспитания.

С тем же мастерством и талантом, с каким написана «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» дают глубокую психологическую характеристику многочисленных воспитанников коммуны им. Дзержинского, освещают методы воспитательной работы А. С. Макаренко. В этом произведении автор художественно изобразил под фамилией Захарова са-

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского. Строй коммунаров
в летнем походе в Сочи (1931 г.)

Внешний вид завода фотоаппаратов
в коммуне им. Дзержинского

мого себя как руководителя коммуны. Этот автобиографический материал подан в «Флагах на башнях» гораздо более подробно, чем это сделано в «Педагогической поэме», что имеет большое значение для изучения личности Антона Семеновича как педагога-новатора.

В 1937 г. Антон Семенович пишет ряд статей и работает над книгой по методике коммунистического воспитания, о которой он мечтал в заключительных словах «Педагогической поэмы»: «И может быть очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книгу «Методика коммунистического воспитания».

В этой работе он главное внимание уделял коллективу как воспитательному фактору¹.

В следующем 1938 г. в журналах и газетах напечатаны четыре рассказа Антона Семеновича, 14 статей и «Флаги на башнях». Он выступает и как детский писатель с целым рядом рассказов в журналах «Колхозные ребята», «Смена», «Дружные ребята», «Молодой колхозник».

Он деятельно сотрудничает в центральных советских газетах: «Правда», «Известия» и особенно в «Литературной газете», выступая со статьями на политические, педагогические и литературно-критические темы (см. библиографию произведений А. С. Макаренко, приложенную в конце этой книги).

Редкий номер «Литературной газеты» за 1937 г. выходит без статей А. С. Макаренко. С удивительной разносторонностью он горячо откликается на разнообразные события богатой, красочной жизни СССР — выборы в Верховный Совет, завоевание Северного полюса, завершение грандиозной стройки канала, появление повести о Чапаеве и т. д.

В том же 1937 г. в написанной с большим патриотическим чувством и законной гордостью советского гражданина статье в «Известиях» (1937 г., № 260) под заглавием «Счастье» А. С. Макаренко славит Сталинскую конституцию, создавшую исключительно счастливые условия для жизни и работы человека, условия, совершенно немыслимые в буржуазном обществе.

В ряде статей 1938 г. А. С. Макаренко пишет о советских летчиках, совершивших знаменитый героический перелет, зовет писателей энергично подписываться на заем, освещает жизнь Союза советских писателей, пишет о стиле детской литературы. В статьях, опубликованных в «Правде» («Про-

¹ Неопубликованные части этой работы напечатаны в книге А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, Изд. во АПН РСФСР, 1948, стр. 117—206.

блема воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе»), он остро и глубоко ставит важнейшие проблемы жизни школы.

В эти же 1936—1938 годы Антон Семенович пишет ряд больших работ по педагогической теории, часто выступает с лекциями и докладами на педагогические темы. Некоторые статьи и стенограммы этих лет появились в печати в «Учительской газете» уже после смерти Антона Семеновича (в 1940 и последующих годах). Книга «Лекции о воспитании детей», предназначенная для родителей и дающая в систематическом изложении теоретические основы семейного воспитания, также появилась в печати лишь в 1940 г. Часть неопубликованных ранее теоретических работ А. С. Макаренко и стенограмм его выступлений по различным вопросам воспитания изданы отдельной книгой в 1948 году издательством Академии педагогических наук РСФСР (А. С. Макаренко. Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Под редакцией действ. члена АПН Е. Н. Медынского. Составил А. Г. Тер-Гевондян, Изд-во АПН РСФСР, 1948, 304 стр.). Многие из литературного наследия А. С. Макаренко не опубликовано и до сих пор.

В этой кипучей литературной деятельности А. С. Макаренко характерно не только разнообразие тематики, когда он с удивительной полнотой чувства жизни горячо откликается на все события и стороны бытия нашей социалистической страны; удивляет не только редкая для писателя литературная работоспособность Антона Семеновича, но и разнообразие литературных жанров: он одновременно выступает и как романист, и как детский писатель, как литературный критик и публицист и как научный деятель, теоретик педагогики.

Большой художник слова, умеющий глубоко чувствовать и передавать эти чувства сильным, красивым словом, А. С. Макаренко и публицистические статьи пишет поэтически-образно. Его статьи «Счастье» («Известия», 1937 г., № 260) и «О личности и обществе» («Известия» от 9 декабря 1936 г.) — это полные проникновенного революционного чувства гимны Сталинской конституции.

Свои требования к советскому писателю и прежде всего к самому себе как советскому писателю, свое литературное credo А. С. Макаренко вдохновенно высказал в статье «Литература и жизнь»¹.

¹ «Литературная газета», 1939, 5 февраля, № 7.

«Я отвечаю за то, чтобы в моей работе было прямое, политическое, боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование.

Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моем художественном слове не было искажений перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен.... Работа писателя поэтому вовсе не мирная работа, и место его деятельности — весь фронт социалистического наступления».

В жизни Антона Семеновича теория и практика, требования и их выполнение полностью сочтались. Приведенные выше требования к писателю он прежде всего выполнял сам. Он был борцом и как педагог и как писатель.

Десять лет прошло со дня преждевременной смерти А. С. Макаренко. О нем как о педагоге написано уже много, но до сих пор еще очень мало освещено творчество А. С. Макаренко как советского писателя.

В огромной кипучей работе Антона Семеновича как писателя и педагога, в его работе в коммуне им. Дзержинского ему деятельно помогала его друг и жена Галина Стахивна Макаренко. Она была соавтором «Книги для родителей». Она бережно сохранила и систематизировала неопубликованное педагогическое наследство А. С. Макаренко и возглавила работу Лаборатории по изучению и пропаганде наследства Антона Семеновича в Институте теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР.

За большие заслуги в области литературной деятельности советское правительство наградило А. С. Макаренко 1 февраля 1939 г. Орденом Трудового Красного знамени.

Увлеченный литературной работой и обобщением своего педагогического опыта, всецело отдавшись этой деятельности, Антон Семенович не щадил себя, не думал об отдыхе, в котором сильно нуждался его утомленный, надорванный многолетним трудом организм.

1 апреля 1939 г. неожиданно оборвалась неутомимая, прекрасная жизнь. Он умер внезапно, в вагоне, возвращаясь в Москву из пригородного дома отдыха писателей.

Проститься с Антоном Семеновичем пришли в зал Союза советских писателей тысячи людей. Съехались со всех концов страны его воспитанники — командиры Советской армии,

инженеры, врачи, аспиранты научных институтов, педагоги, журналисты, ученики военных училищ.

Они несли почетный караул у гроба своего друга и учителя, сплотившись, как раньше, в большую дружную, но теперь уже осиротевшую семью. Как раньше, они собрали совет командиров и взяли на себя всю организацию похорон.

Из многочисленных речей у гроба Антона Семеновича особенно сильное впечатление на собравшихся произвела речь его бывшего воспитанника А. М. Тубина. Он сказал:

«Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему было всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом¹ был Антон Семенович. Ни разу в жизни Антон Семенович не похвалил меня; он всегда меня ругал¹. Даже в своей книге «Педагогическая поэма» он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал.... Он требовал неукоснительного исполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великим гуманистом. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым.... Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза. Его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями. Среди них есть орденосцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сынов — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев. Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца....»².

¹ Слово „ругал“ надо понимать, конечно, в переносном смысле: укорял, упрекал.

² А. М. Тубин. речь которого мы цитируем, пал смертью храбрых в дни Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками.

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МАКАРЕНКО

„Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально-чистому, нестыдному счастью“.

(А. С. Макаренко, Счастье.)

„Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог обязан это делать.... Сколько трагедий рождается в жизни только потому, что „нет человека“.

(А. С. Макаренко.
Максим Горький в моей жизни.)

В творчестве каждого крупного писателя и педагога есть положения, которые являются для него наиболее характерными, определяющими.

В каждой педагогической теории или системе какие-то положения, идеи, принципы являются исходными. Из них последовательно развивается все остальное в этой теории.

Кто не нашел или не понял этих исходных положений, не проникся ими, тот не понял главного в данной педагогической теории. Как бы он ни старался применять ее отдельные элементы в своей воспитательной практике, следовать приемам этой системы и т. д., он без понимания ее сущности будет подбирать только ее отдельные штрихи.

В этом как раз и заключалась коренная ошибка тех многочисленных педагогов, которые пытались формально «следовать Макаренко», вводя в своих воспитательных учреждениях «отряды» и «рапорты», не создав крепкого коллектива; «символику Макаренко», самообслуживание и прочее, не поняв, не усвоив главного в его системе и разочарованно удивляясь потом, что «система Макаренко» не дала ожидаемых результатов. Так применять систему Макаренко это значит извращать ее.

В этом заключалась ошибка даже тех педагогов, которые считали, что главное у Макаренко — труд. Достигнув некоторых успехов в организации коллектива воспитанников и их трудовой деятельности, они останавливались на первой стадии этой организации (например, на обеспечении коллективным трудом материальной базы детского дома), полагая, что они «применили систему Макаренко».

Материальная база при этом создавалась, к труду воспитанники приучались, а воспитательного макаренковского воздействия, создававшего нового человека, все же не было.

Педагогическая система Макаренко — детище Октябрьской социалистической революции, завоевание нашей советской педагогики. Поэтому Антон Семенович с полным правом утверждал, что нет какой-то особой системы Макаренко, а у него система обыкновенная, советская. Макаренко исходит из учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина об обществе, о человеке, о цели и роли коммунистического воспитания, о сущности коммунистической морали.

В законах диалектического материализма Макаренко ищет и находит разрешение противоречий: личность и общество, свобода и необходимость, обязанность и право, авторитет, власть педагога и полномочия, права коллектива, требовательность и любовь, не противопоставляя их друг другу, а находя их единство.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала социальные и материальные условия для полного осуществления этого единства. Поэтому так радостно, с таким энтузиазмом встретил ее Макаренко. В статье «Счастье»¹ он писал: «Великая Октябрьская революция — это небывалые в истории сдвиги в жизни отдельных людей, в жизни нашей страны, в жизни всего мира. Невозможно перечислить те изменения, которые она принесла в истории человечества». Отметив, что только Октябрьская революция открыла возможность полного счастья, Антон Семенович писал: «Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе и борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию отдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь эта страна наша, а не нашего хозяина».

¹ „Известия“ ЦИК СССР от 7 ноября 1937 г.

В советской стране созданы новые взаимоотношения между личностью и обществом. В счастье коллектива обретает и свое личное счастье советский человек. Из этого исходит А. С. Макаренко, когда особое место отводит коллективу. Но это отнюдь не значит, что он недооценивает личность, индивидуальность. Наоборот, он умел ценить индивидуальность очень высоко; он нередко говорил, что человек неповторим. Он умел видеть в каждом человеке его особенное, но вместе с тем указывал, что личность человека нельзя мыслить вне общества или отдельно от общества. Педагог-марксист, он рассматривает личность и общество в их диалектическом единстве. Такая постановка вопроса о личности и обществе, указывал А. С. Макаренко, возможна по-настоящему только в социалистическом обществе. В обществе буржуазном все основано на своекорыстном «я», противопоставляющем свои личные, индивидуальные интересы общественным. Там господствует звериный закон: человек человеку волк.

В статье «О личности и обществе»¹ А. С. Макаренко писал, что в буржуазном обществе даже лучшие философы, ученые, писатели бессильны были разрешить проблему «личность и общество». Каких только теорий ни придумывали для разрешения этой проблемы: и любовь к ближнему, и любовь к дальнему, и сверхчеловека, и «человека-зверя», и «не противиться злему» и т. д. Макаренко говорит, что проблема личности так же, как и проблема общества, не может быть решена при буржуазном строе, где все основано на эксплуатации человека человеком. «Проблема личности в условиях взаимного поедания звучит весьма трагикомично. А разве лучше с проблемой общества? Те общественные представления, которые такими обычными и будничными стали у нас, просто не подходят, не вяжутся в условиях мира каннибальского». Только в Советском Союзе создано новое общество, «и только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы «общество и личность»... И это общество настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным обществом.

Это марксистское решение проблемы «Общество и личность» как одно из главных исходных положений педагогического творчества Макаренко коренным образом отличает его от каких бы то ни было, пусть самых «прогрессивных» буржуазных и мелкобуржуазных педагогических систем. Макаренко следует указа-

¹ „Известия“ ЦИК СССР от 9 декабря 1936 г.

нию Энгельса о том, что только в коммунистическом обществе человек становится подлинно человеком, только в коммунистическом обществе он перейдет в подлинно человеческие условия существования.

Бережно относясь к индивидуальности, Макаренко всегда ставил интересы коллектива на первый план: «Нужно воспитывать не для индивидуального счастья, а для общего счастья и общей борьбы», — говорил он. «Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива. В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастьем коллектива»¹, — писал А. С. Макаренко в статье «Цель воспитания», опубликованной в газете «Известия» в 1937 г.

Следствием, логически стройным выводом из этой основной для Макаренко проблемы «Общество и личность» является, как увидим далее, учение Макаренко о воспитании в коллективе, для коллектива и через коллектив.

В тесной связи с исходным положением о взаимоотношении в социалистическом обществе личности и общества стоит проблема сталинского социалистического гуманизма, занимающая как одно из исходных положений большое место в педагогической теории Макаренко.

«Вспомните, — пишет Макаренко в «Книге для родителей», — слова гениального садовника, товарища Сталина: «Люддей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево». Этот социалистический гуманизм всегда рассматривается Антоном Семеновичем в свете взаимоотношений личности и общества, в свете марксистских представлений о человеке.

Как художник слова Макаренко к пониманию социалистического гуманизма пришел через все передовое культурное наследие и в особенности через проникнутое этим гуманизмом творчество Горького.

Определяя свои позиции, Антон Семенович в статье «Горький в моей жизни» говорит:

«Я принужден был обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому.... И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 28.

разрешат отдельных текущих вопросов, но они дадут знание о человеке... дадут человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском».

Горький научил Антона Семеновича ценить и любить человека, видеть в человеке огромные силы и возможности. Из социалистического советского строя, создающего условия для проявления подлинного гуманизма, из уверенности в величайших возможностях человека, из большого уважения к человеку рождается в педагогической системе Макаренко целый ряд следствий, методов, приемов.

Он говорит: «Моим основным принципом всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека»¹.

Исходя из этого принципа, Антон Семенович видел в каждом присланном к нему подростке не правонарушителя, а человека с большими возможностями и силами, но лишь исковерканного неблагоприятно сложившимися для него обстоятельствами. «Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров (т. е. сам Макаренко.—Е. М.) теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: «Будьте настоящими людьми».

Социалистический гуманизм тесно связан у Макаренко с социалистическим оптимизмом. Это настолько важная связь, что мы должны остановиться на ней подробнее.

В начале второй части «Флагов на башнях» Макаренко подробно говорит об этом оптимизме:

«К счастью, Захаров (т. е. сам Макаренко.—Е. М.) обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, — талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее. В сущности, это даже и не талант. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека с здоровой башкой и зорким глазом, умеющего различать ценности».

Макаренко признается, что он прошел «путь оптимиста» в своих исканиях. Этот оптимизм поддерживал его в наиболее трудные периоды его работы, когда другому могло по-

¹ А. С. Макаренко. Некоторые выводы из моего педагогического опыта. Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 160—161.

казаться, что напрасны все усилия, что правонарушителей не переделаешь и т. п. Этот оптимизм лежит в основе его отношений к воспитанникам.

Поясняя основы советского воспитания, Макаренко говорит: «...решающим является горьковский оптимизм.... Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому уменью проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького.... Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не останавливается перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское¹. Оптимизм Макаренко противопоставляется самотеку и самоуспокоенности (все образуется), беззаботности (авось, небось, да как-нибудь), созерцательной умиленности («все прекрасно в этом лучшем из миров»). Оптимизм Макаренко— это бодрое, деятельное, могучее сознание силы советского человека, объединенного с другими людьми в дружный сильный коллектив, это—чувство уверенности, жизнерадостности, воля к борьбе и победе человека, владеющего марксистской теорией.

С этими характерными чертами педагогической системы Макаренко тесно связан принцип «Как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно более уважения к нему». Это требовательное уважение к человеку не индивидуалистическая позиция абстрактного гуманиста, а осуществленное в советском строе отношение к человеку-гражданину.

Антон Семенович предостерегает воспитателей и родителей от сентиментального любования ребенком.

Педагоги любили повторять: «Дети — цветы жизни». Но, — с иронией говорит Макаренко: «Скоропалительные в суждениях, сентиментальные люди не дали себе труда задуматься над этими прекрасными словами. Если сказано «цветы», значит нужно цветами любоваться, ахать, носиться, нюхать, вдыхать»². Он резко критикует приверженцев «теории свободного воспитания», которые преклонялись перед слабостями ребенка и умиленно лепетали или с восторгом восклицали «Относитесь к детству с благоговением».

¹ А. С. Макаренко, Максим Горький в моей жизни. Избранные педагогические произведения. 1946. стр. 61.

² А. С. Макаренко, Книга для родителей, 1937, стр. 13.

А. С. Макаренко, в противоположность им, настаивает на трезвой, разумной (а не только эмоциональной), требовательной любви к детям, чуждой какой-либо идеализации и мистической веры в какую-то «благодатную природу» ребенка. Против «преклонения» перед детьми, развивающего у них эгоизм, лень, барство, избалованность и расхлябанность, он протестовал самым решительным образом. Напоминание мудрые слова товарища Сталина: «Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное им плодородное дерево», — А. С. Макаренко требует, чтобы к детям, «цветам жизни», подходили с учетом того, какие плоды могут развиваться из этих цветов.

«Поэтому, — говорил он, — не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу, а когда в вашем саду появится гусеница, возьмите парижскую зелень. Не бойтесь, побрызгайте немножко, пусть даже цветам будет чуточку неприятно»¹.

Сам Антон Семенович глубоко любил детей, но выражал эту любовь очень сдержанно, и воспитанники его привыкли также сдержанно выражать свои чувства; однако, в этой почти стыдливой сдержанности ощущалась большая внутренняя сила. «Я прожил с ними восемь лет, многие ко мне относились любовно, но ни разу за эти годы никто из них не был со мною нежен в обычном смысле. Я умел узнавать их чувства по признакам, мне одному известным: по глубине взгляда, по окраске смущения, по далекому вниманию из-за угла, по чуть-чуть охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи»².

Не постоянная суровость в обращении с детьми и не сентиментальное заласкивание их, но «чувство меры в любви и строгости, в ласке и суровости» нужны в отношении к детям, — говорит Макаренко. К детям надо предъявлять твердые, четкие и достаточные большие (но посильные, хотя бы и с некоторым напряжением) требования, добиваясь выполнения их во что бы то ни стало, неукоснительно. Это отношение будет способствовать воспитанию у них мужества, выносливости, приучит их к борьбе.

Глубоким оптимистическим убеждением в безграничных возможностях человека продиктован один из важнейших принципов Макаренко: «система перспективных линий».

¹ А. С. Макаренко. Книга для родителей, 1937, стр. 14.

² А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, «Советский писатель», 1947, стр. 628.

Сам Антон Семенович следующими словами формулирует этот принцип:

«Человек не может жить на свете, если у него нет вне-реди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга. Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе.... Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных»¹.

Мы видели уже, как в колонии им. Горького, перед ее переездом в Куряж, несмотря на прекрасное материальное состояние колонии, на большие достижения, стала ощущаться и у колонистов и у Антона Семеновича внутренняя неудов-летворенность. Антон Семенович поставил перед коллективом новую, более ценную перспективу — воспитать двести восемьдесят беспризорных ребят, прозябавших в куряжской колонии. Задача была трудная, рискованная, но именно этим она захватила воспитанников Макаренко и его самого.

«Система перспективных линий», правильно осуществлен-ная педагогом, поддерживает в коллективе воспитанников бодрое, радостное настроение, повышает их работоспособ-ность, укрепляет веру детей в свои силы, дает выход их творчеству, приучает детей к достижению намеченных целей.

«Система перспективных линий» — это особая форма пла-нирования личных путей каждого отдельного человека и коллектива в их движении и развитии и, следовательно, ло-гически вытекает из новых взаимоотношений между лич-ностью и обществом в нашей стране.

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писа-тель“, 1947, стр. 564—565.

А. С. МАКАРЕНКО — ПЕДАГОГ-НОВАТОР. БОРЬБА ЕГО С ВРАЖДЕБНЫМИ МАРКСИЗМУ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ ТЕОРИЯМИ

„Советское общество—это общество на великом походе. Мы живем в то замечательное время, когда человечество закончило какой-то тысячелетний период предварительной жизни и впервые в истории подняло знамя человеческой организации. Мы вооружены стратегией марксизма и ленинизма, мы ведём бой за „новое счастье“, за новый разум, новую жизнь“.

(А. С. Макаренко, Лекция
„Методы воспитания“.)

Подлинно передовая, революционная педагогическая теория А. С. Макаренко создавалась в острой борьбе с враждебными марксизму-ленинизму буржуазными и мелкобуржуазными теориями.

Мы говорили уже в предыдущей главе о борьбе Антона Семеновича с мелкобуржуазной «теорией свободного воспитания». Он резко выступил против идеализации ребенка представителями этой теории уже в 20-х годах XX века, когда на взглядах многих советских педагогов еще очень сильно сказывалось влияние этой теории.

Он остро боролся также с лженаукой — педологией, боролся еще тогда, когда никто из научных работников не выступал с критикой этой вредной лженауки. В этом сказалась правильная марксистская направленность педагогической мысли Антона Семеновича.

Педология, объявив себя «наукой» об изучении детей, в действительности применяла порочные неправильные методы этого «изучения», клеветала на детей, зачисляя неуспевающих в разряд умственно-отсталых, дефективных и т. д. Пе-

дологи доказывали, якобы с «научной» точки зрения, наследственную обусловленность неуспеваемости ученика или плохого его поведения.

Педологи захватили в свои руки организацию школьного режима, контроль за политическими воззрениями учащихся, определение причин неуспеваемости, удаление из школ неуспевающих учащихся, определение профессии оканчивающих школу и т. п. Таким образом, педологи не только стали между педагогами и детьми, создав вредное средостение, но и учинили контроль над педагогами. Этим самым роль и ответственность педагогов была снижена.

Главным «законом» педологии был «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами—влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. Педологи клеветали на детей, заявляя, что судьба того или другого воспитанника predetermined дурной наследственностью, семейными условиями и т. п.

В результате вредной работы педологов значительное число детей объявлялось «дефективными», «отсталыми», «трудными» и направлялось из нормальных, обычных школ в специальные школы для трудновоспитуемых.

Педология принесла огромный вред школе и была решительно осуждена постановлением Центрального Комитета партии в июле 1936 г.

Педагог, следовавший учению Маркса—Ленина—Сталина о коммунистическом воспитании, Макаренко глубоко верил в творческие силы человека; он был убежден, что правильно поставленным воспитанием можно пробудить к жизни эти силы. Педологи же со своим основным «законом» фаталистической обусловленности и обреченности детей убивали в педагоге уверенность в результатах его труда, а у ребенка—веру в свои силы.

Макаренко все свое внимание обращал не на прошлое, а на будущее детей. Педология, наоборот, проявляла повышенный интерес к прошлому не только детей, но и их предков, вплоть до прадедов и прабабок.

Педологи оттесняли учителей и педагогов от учащихся, заявляя, что только они, педологи, могут изучать детей. Макаренко не признавал педологических кабинетов и порочных искусственных «методов» изучения детей, применявшихся в педологии.

В «Флагах на башнях» Макаренко едко высмеял тестовые «исследования», «педологическую корреляцию», работу педологического кабинета.

Один из инспекторов спросил А. С. Макаренко: «Почему, однако, у вас нет педолога?» — «Потому что шарманщиков

с попугаями, предсказывающими судьбу, мы на территорию колонии не допускаем», — резко ответил Макаренко.

Сам Антон Семенович умел изучать детей поразительно успешно. Об этом говорил Горький. Об этом же умении изучать каждого воспитанника свидетельствуют многие страницы «Педагогической поэмы», «Флагов на башнях» и «Книги для родителей».

Макаренко изучал своих воспитанников, наблюдая их во время работы и отдыха, ученья и игр, беседы с товарищами, поведения на собрании, на прогулке, в столовой. Замечательный психолог и педагог, он не только изучал своих воспитанников, но умел по отношению к каждому применять особые меры воздействия.

К расхлябанному Ховраку, стоящему в презрительно развязной позе, он обращается с короткими, падающими, как камни, приказаниями: «Ховрах, подойди ближе!», «Стань прямо!» и т. д. К другому подходит с иронией, на третьего производит ошеломляюще сильное впечатление методом доверия (сцена с Карабанывым), на четвертого влияет временным лишением доверия (сцена с Марусей Левченко) и т. д.

В связи с критикой педологии А. С. Макаренко с большой убедительностью критиковал и буржуазную, так называемую экспериментальную педагогику и другие буржуазные теории XX в. Говоря о том вреде, какой нанесла педология, А. С. Макаренко писал в 1937 г.: «Инфекция началась еще до революции в гнездах экспериментальной педагогики, для которой характерен был разрыв между изучением ребенка и его воспитанием. Буржуазная педагогика начала XX в., разрываемая на части многочисленными школами и новаторами, бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чуткого уха и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту «науку», лишенную прежде всего настоящего научного базиса. Уже и тогда можно было видеть в ней очень сомнительные склонности к биологическим экскурсам, в сущности своей представляющим явную попытку ревизии марксистского представления о человеке. Биологические тенденции экспериментальной педагогики и потом педологии отталкивают каждого учителя-марксиста»¹.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 23—24.

В период, когда некоторые «теоретики» выступали с трактовкой педагогики как науки о «человеководстве» по аналогии с животноводством (Блонский), когда другие пытались «обосновать» педагогику рефлексологией, А. С. Макаренко едко высмеивал эти жалкие «теории». Так, он возмущался тем, что некоторые горе-теоретики «все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов»¹. А. С. Макаренко с возмущением цитирует определение коллектива, данное одним из таких «теоретиков»: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения» и дает свою оценку этому «определению»: «Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, только не коллектива людей»².

А. С. Макаренко выступал также против спекулятивных, метафизических педагогических теорий, дедуцирующих педагогические «законы» чисто умозрительно. Такими, как известно, были некоторые немецкие теории педагогики (например, Гербарта). Боролся Антон Семенович также и с педагогическими теориями, построенными на голом эмпиризме. Выступал и против левацких теорий, отрицавших наказания в педагогической практике, отвергавших необходимость воспитания чувства долга и чести как якобы «буржуазных категорий». Педагогов, далеких от живой практики воспитания, выступавших с надуманными «теориями», он презрительно именовал «педагогическим Олимпом».

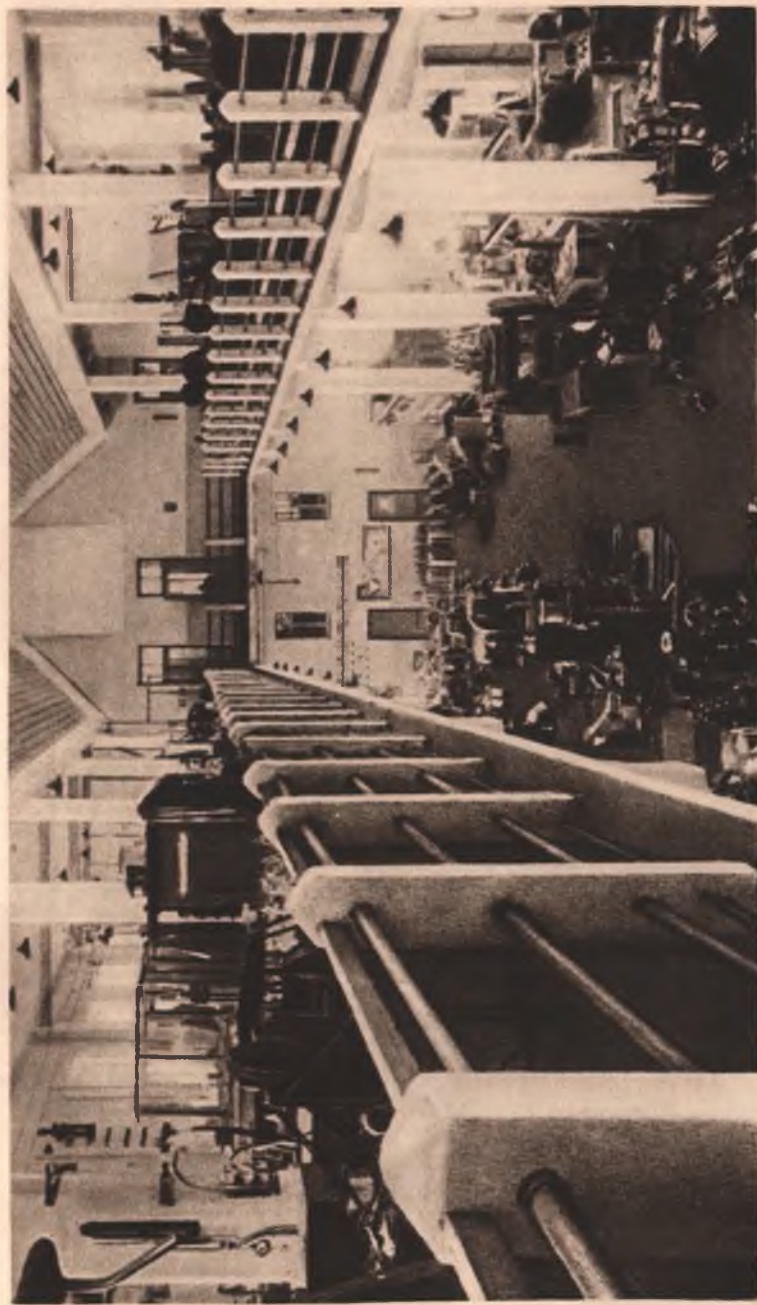
Тем педагогам-«теоретикам», которые с «высоты» «педагогического Олимпа» считали Антона Семеновича не теоретиком, а практиком, он, практик-педагог, с 32-летним стажем педагогического творческого опыта, неустанных педагогических исканий, отвечал: «Мы живем в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами»³.

Действительно, в области воспитания советские педагогические практики сделали многое, чтобы обновить, освежить и двинуть дальше педагогическую теорию.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 32.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 67.

Внутренний вид завода электронинструментов
марки «ФЭД»

Обмотчицы якоря. Коммунарки Гулицкая и Брегель

Антон Семенович гневно выступал против рутины в педагогике, против умозрительных теорий именно потому, что он высоко оценивал роль передовой педагогической науки. В лекции «О методах воспитания» (январь, 1938 г.) он говорил: «В общем педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры».

Некоторые «критики» педагогических сочинений и деятельности А. С. Макаренко обвиняли его в том, что он не разрабатывал дидактических вопросов, не писал о вопросах обучения. На эти упреки Антон Семенович ответил в своем выступлении незадолго до смерти (9 марта 1939 г.) в Харьковском педагогическом институте, что он сосредоточил свое внимание на теории воспитательной работы и на вопросах семейного воспитания как наименее разработанных в педагогике. «Кто меня может заставить писать на все темы? и вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать»¹.

Как педагог-новатор А. С. Макаренко не только сосредоточил все свои силы, весь свой педагогический талант на наиболее слабо разработанных участках советской педагогической науки, но и дал в этой областимного нового, смелого, оригинального. Антон Семенович Макаренко не написал учебника педагогики или полного курса педагогической науки, где отсутствие раздела дидактики было бы, конечно, недопустимо.

Странные требования предъявляли к Антону Семеновичу некоторые его критики, такие требования, которые не ставятся другим выдающимся ученым и писателям. Ведь то обстоятельство, что многие из писателей выступали не во всех видах литературы или не освещали всех вопросов жизни и быта, не снижает их величия. Равным образом, даже крупнейшим ученым не ставится требования, чтобы каждый из них разрабатывал обязательно *все* проблемы своей науки. Тем не менее, эта «неполнота» их научного творчества не мешала признанию их как великих ученых. Величие крупнейших ученых и писателей измеряется тем, что нового, передового они дали в важнейших, больших областях науки и жизни.

С этим критерием надо подходить и к творчеству А. С. Макаренко.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 177.

Некоторые критики совершенно необоснованно обвиняли А. С. Макаренко в том, что он будто бы недооценивал школу. Повидимому, эти неправильные упреки были вызваны недостаточным знакомством критиков с деятельностью Антона Семеновича в руководимых им воспитательных учреждениях и с его неопубликованными тогда еще произведениями.

Макаренко всячески поощрял стремление своих воспитанников к высшему образованию. Он прилагал большие усилия для организации рабфака в руководимых им учреждениях. Он лично с большой требовательностью к качествам учителя подбирал преподавателей для школ в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского. Сила его педагогической мысли в вопросах содержания и методов обучения сказалась, например, в его отрицательном отношении к комплексному обучению, которое господствовало в наших школах в 1923—1930 годах; сказалась также в его резко отрицательном отношении к разрушавшему школу «методу проектов».

В области учебных вопросов Антон Семенович стоял за систематическое обучение основам наук, которое и проводилось в руководимых им учреждениях, в результате чего его воспитанники успешно выдерживали приемные испытания в высшие школы.

О значении школы Антон Семенович говорил: «Я считаю, что наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни. В этом я глубоко убежден и всегда буду говорить об этом». В лекции («Методы воспитания»), прочитанной в январе 1938 г. сотрудникам Наркомпроса РСФСР, он говорил: «Я лично скоро пришел к убеждению, что школа является могучим воспитательным средством»¹. В статье «Народное просвещение в СССР»² А. С. Макаренко с большой гордостью писал о громадном росте в нашем Союзе числа школ и учащихся, о принципиально ином, по сравнению с буржуазной и дореволюционной школой, содержании образования в советской школе, об охвате советской школой всех народов СССР.

А. С. Макаренко—педагог-революционер. Каждый вопрос воспитания он ставит и разрешает принципиально по-иному, нежели этот вопрос разрешался в буржуазной педагогике. «Наше дело, дело коммунистического воспитания—

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 70.

² А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, 1948, стр. 259—268.

это новое дело в мировом масштабе», — говорил А. С. Макаренко в своем выступлении в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 года¹.

Страстно и горячо боролся Антон Семенович с пресловутой «аполитичностью» в педагогике. Он требовал, чтобы каждый вопрос педагогики и прежде всего вопрос о целях воспитания ставился и решался как вопрос политический. В том же выступлении он заявил: «Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и т. д. А в английской школе разве не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят. Нет, такая формулировка еще не определяет наших целей. Наши цели особые: мы должны воспитать коммунистическое поведение. Иначе говоря, наши цели могут быть выражены только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены действительно ясно и точно.... Любое нравственное качество у нас приобретает другое содержание, чем у буржуазии»². И далее Макаренко показывает, чем советское понимание деловитости и точности отличается от буржуазного.

Говоря о школе, Макаренко с гордостью отмечает, что по своим целям, организации, по содержанию учебно-воспитательной работы и методам ее наша школа, каковы бы ни были ее недостатки, стоит по сравнению с буржуазной школой на недостигаемой высоте.

Педагог-революционер Макаренко требует, чтобы во всей нашей воспитательной работе проявлялся русский революционный размах, о котором говорил товарищ Сталин. «Русский революционный размах должен отличать нашу школу от всякой другой. Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собой воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?» — писал А. С. Макаренко в статье «Воспитание характера в школе»³. Боевым революционным содержанием А. С. Макаренко насыщает любой вопрос воспитания — вопрос о целях воспитания, о воспитании советского патриотизма, дисциплины, чувства долга и чести, о коллективе, трудовом воспитании и т. д.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 174.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 50.

В лекции «Художественная литература о воспитании детей», прочитанной 21 апреля 1937 г., говоря о той логике, которой должна руководствоваться советская педагогика, Антон Семенович говорил: «Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, трудоспособность, мы должны знать все, чем должен отличаться, гордиться новый наш, социалистический, коммунистический человек. Раз мы это знаем, раз мы честные педагоги, мы должны стремиться всех людей, всех детей воспитывать в наибольшем приближении к этому нашему коммунистическому идеалу. Вот откуда должна исходить наша практическая педагогика. Она должна исходить из наших политических нужд и при этом диалектически. Она должна исходить из нужд не только настоящего, а из нужд нашего социалистического строительства, из нужд коммунистического общества»¹.

Вся педагогическая деятельность, все теоретическое творчество А. С. Макаренко посвящены воспитанию нового человека коммунистического общества, проникнуты революционным подъемом, преданностью делу Ленина—Сталина и ненавистью к отживающему буржуазному миру.

А. С. Макаренко — глубокий педагог-теоретик, давший стройную передовую педагогическую теорию, последовательно обоснованную марксистско-ленинским пониманием проблемы «Личность и общество» и целей коммунистического воспитания. Его педагогическая теория — не надуманная кабинетным ученым педагогическая система, но глубокое теоретическое обобщение длительной педагогической практики, давшей замечательные положительные результаты.

Антон Семенович по-новому осветил важнейшие вопросы теории, например, педагогическая логика, учение о цели воспитания, учение о коллективе как факторе воспитания; впервые в советской педагогике он подробно и систематически разработал вопросы семейного воспитания; дал новое понимание дисциплины в воспитательном процессе, внес много нового в понимание проблемы педагога.

А. С. Макаренко — замечательный педагог-практик. Глубоко прав был А. М. Горький, характеризуя педагогическую деятельность Макаренко как эксперимент.

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений, Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 210—211.

имеющий мировое значение. В истории педагогики всех времен и народов практическая деятельность А. С. Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского занимает исключительное место, не имеет себе равных по длительности опыта (16 лет), количеству воспитанников (около 3000), трудному в воспитательном отношении контингенту воспитанников (бывшие правонарушители и беспризорные), по новому содержанию и новым методам воспитательной работы и, главное, по тем блестящим результатам, какие были достигнуты.

А. С. Макаренко—педагог-художник не только потому, что он автор замечательных художественно-педагогических произведений «Педагогической поэмы», «Флагов на башнях» и др.; он был педагогом-художником в творческом педагогическом подходе к каждому своему воспитаннику, к каждому поступку этого воспитанника. Недаром он говорил, что красота и сила — это самое ценное, что есть в человеке, и не только говорил: он умел вызвать, выявить то красивое, что таилось в воспитаннике, часто глубоко скрытое, запорошенное пылью и сором неудачно сложившихся обстоятельств. Он умел создавать у своих воспитанников новые черты, необходимые человеку социалистического общества.

А. С. Макаренко не терпел косности, рутины, шаблона и трафарета в воспитательной работе. Как настоящий педагог-художник, он был чутким психологом, умеющим понять сложную психическую жизнь каждого воспитанника. Именно это умение отметил Горький, когда писал, что Макаренко знает каждого из своих воспитанников и определяет его пятью словами так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. Тема «А. С. Макаренко как психолог» еще ждет своего исследователя. Разработка ее, надо думать, даст много для лучшего понимания педагогического наследства А. С. Макаренко.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА. ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ

«Не может быть вопроса более для нас важного, чем вопрос о логике педагогического средства»¹.

(А. С. Макаренко, Опыт методики работы детской трудовой колонии.)

В целом ряде статей и выступлений А. С. Макаренко уделил много внимания методологическим вопросам советской педагогики или педагогической логики, на основании которой должны строиться педагогическая теория и устанавливаться педагогические средства. «Не может быть вопроса более для нас важного, чем вопрос о логике педагогического средства»², — писал Антон Семенович.

Лженаука педология основывалась на порочной логике. Теоретиками педологии игнорировалось главное—цель воспитания нового человека коммунистического общества, вся общественная жизнь нашего Союза, непримиримая борьба с пережитками капитализма в сознании и поведении людей.

На таких порочных методологических установках построить настоящую теорию коммунистического воспитания было невозможно: «педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педагога за биологическими и генетическими капризами»³. Макаренко указывает, что главным, определяющим постановку воспитания у педологов являлся

¹ «Педагоги пожимают плечами», «Методы воспитания», «Проблемы школьного советского воспитания», «Опыт методики работы детской трудовой колонии» и др.

² А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, 1948, стр. 97.

³ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 23.

возраст детей, и воспитание по этой педологической «логике» делалось «игрушкой возрастных, биологических, психологических и других симпатий».

Неправильно было бы в основу педагогической теории полагать и психологию и выводить дедуктивно из психологии то или иное педагогическое средство. Педагогика теснейшим образом связана с политикой. Роль же психологии по отношению к педагогике — служебная. При этом Макаренко правильно указывал, что педагогическое значение психологии еще мало разработано и высказывал надежду, что в ближайшем времени психология принесет делу воспитания значительно большую пользу.

Антон Семенович нередко и глубоко неправильно обвиняли в игнорировании педагогики как науки, в пренебрежительном отношении к педагогической теории. В действительности же он критиковал оторванную от воспитательного опыта, кабинетную, построенную умозрительно педагогику и те извращения, которые имелись в педагогике, и указывал на оставание педагогической теории.

Он энергично выступал против педагогической догмы и педагогических теорий, которые, не учитывая огромных сдвигов нашей жизни после Октябрьской революции, все еще сохраняли пережитки буржуазных и мелкобуржуазных теорий, против «теории свободного воспитания», прагматической педагогики Дьюи, неокантлантской педагогики Наторпа, педагогики «приспособления» Спенсера и т. п.

А. С. Макаренко писал, что «педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение является основным символом моей педагогической веры».

Он разрабатывал и отстаивал марксистско-ленинскую педагогику, отвергал буржуазную педагогику, считал ее ненаучной и вел борьбу со всякого рода буржуазными и мелкобуржуазными теориями в педагогике.

Он указывал, что педагогика должна разработать сложнейший вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели¹, а для этого прежде всего надо разработать методологию педагогической теории или, по выражению Антона Семеновича, педагогическую логику.

Логика педагогического процесса, как правильно говорит Макаренко, должна быть логикой марксистской, диалектической. Это положение бесспорно, но большая заслуга А. С. Макаренко заключается в том, что он не ограничился

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 74.

простым декларированием этого основного методологического тезиса советской педагогической науки, как делали это педагоги-теоретики его времени (в лучшем случае лишь ссылаясь на основные законы диалектического материализма в начале своих курсов и учебников по педагогике), а попытался раскрыть эти законы в применении к педагогике.

В этом отношении А. С. Макаренко также был новатором советской педагогики. Эта сторона педагогического творчества Антона Семеновича до самого последнего времени не была достаточно оценена. Многие педагоги анализировали педагогическое наследство Макаренко, отмечали главные положения в его педагогическом творчестве. Об этом творчестве написано уже около 80 статей.

Однако важные и многократные высказывания Антона Семеновича о методологических основах педагогики оставались не проанализированными, не оцененными. Не нашли они отражения и в ряде диссертаций, посвященных творчеству Антона Семеновича, которые или давали общий очерк педагогической (главным образом практической) деятельности А. С. Макаренко, или анализировали отдельные стороны его педагогического наследства (вопрос о физическом воспитании, о дисциплине и др.).

Вопрос о «педагогической логике», о методологических основах педагогики в педагогическом творчестве Макаренко не обратил на себя должного внимания советских педагогов, вероятно, потому, что до последних лет нашим педагогам оставался неизвестным (или мало известным) ряд произведений Антона Семеновича, опубликованных лишь в 1946—1948 годах Академией педагогических наук РСФСР (Избранные педагогические произведения, 1946; Педагогические сочинения, 1948). Во вступительной статье к последнему сборнику, содержащему неопубликованные раньше статьи и стенограммы выступлений Макаренко, составитель этого сборника А. Г. Тер-Гевондян впервые посвятил несколько страниц вопросу о педагогической логике и целях воспитания в произведениях Антона Семеновича.

Эта сторона педагогического наследства Макаренко имеет особое значение для педагогики и потому еще, что за последнее время стали усиленно обсуждаться методологические основы советской педагогики. В ряде статей и книг ставятся вопросы о законах и принципах педагогики, об отношении к буржуазной педагогике и т. п.

Диалектико-материалистическая философия, как известно, указывает на единство содержания и формы, причем опре-

деляющим в этом единстве является содержание (содержание определяет форму, а не наоборот).

Исходя из этого, Макаренко заявляет, что: 1) педагогическая логика, построенная на диалектико-материалистических началах, в основу всех своих построений ставит цель воспитания (которая, будучи конкретизирована, является и содержанием его), 2) целью воспитания определяются и его средства («...Мы не можем допустить никакого средства, которое не вело бы к поставленной нами цели») и 3) «Никакое средство не может быть объявлено постоянным, всегда полезным и действующим одинаково точно»¹.

Педагогический процесс — есть процесс целесообразный. Теоретики педагогики, правда, выдвигали цель воспитания, но какую? В первые годы Великой Октябрьской революции, «разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах», они декларировали абстрактную, вне времени и пространства взятую, цель: воспитать вообще идеального человека, «гармоническую личность». Позже, говорит Макаренко, цель воспитания в теории педагогики формулировалась уже как коммунистическое воспитание, но сказать только это — далеко еще недостаточно, надо конкретизировать понятие коммунистического воспитания. «Попытки воплотить выражение цели воспитания в короткой формуле доказывают только полный отрыв от всякой практики, от всякого дела. И поэтому совершенно естественно, что подобные формулы ничего не создали в живой жизни и в живой нашей работе»².

В понимании целесообразности воспитания было, говорит Макаренко, много искривлений и ошибок и позже, на следующих этапах развития советской педагогики.

Главнейшие типы этих ошибок Макаренко характеризует как: 1) тип дедуктивного предсказания, 2) тип этического фетишизма и 3) тип уединенного средства³.

Ошибки первого рода («дедуктивное предсказание») заключаются в том, что берется какое-либо средство и без опытной проверки объявляется средством, обязательно приводящим к положительным результатам. Если этот положительный результат воспитания действительно получался (может быть, вследствие каких-то других причин, а не данного средства), это служило доказательством, что средство хорошее; если же результаты получались плохие, то сторонники

¹ А. С. Макаренко. Педагогические сочинения, [1948,] стр. 36—37.

² Там же стр. 89.

³ Там же стр. 37, см. также Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 72.

«дедуктивного предсказания», ослепленные верой в благотворность средства, заявляли — это потому, что средство применено неправильно. Таким образом получался порочный круг — «средство хорошее — должен быть хороший результат, а раз хороший результат — значит хорошее средство»¹.

В качестве примера такого «дедуктивного предсказания» А. С. Макаренко берет комплексную систему преподавания, которая проводилась в наших школах в 1923—1931 годах: система построения программ была принята без опытной проверки результатов, исходя из дедуктивных построений (вспомним, действительно, как прожектеры из Наркомпроса заявляли, будто комплексное построение программ является выражением всеобщих связей, существующих в жизни, единства теории и практики). Когда стали обнаруживаться отрицательные результаты комплексной системы — недостаточная грамотность детей, слабые навыки чтения, письма и счета, — сторонники комплексной системы относили эти результаты не к порочности системы, а к неумению учителей правильно применять ее.

Второй тип ошибок, указанный Антоном Семеновичем («этический фетишизм»), заключается в том, что какое-либо средство объявлялось педагогически целесообразным потому, что ставилось «рядом с понятием, этическое содержание которого не вызывает сомнения», например, трудовое воспитание (как оно понималось многими педагогами в первые 10—15 лет Октябрьской революции). Макаренко говорит: «В самом слове труд столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове труд не заключается никакой логики. Как будто бы труд сначала понимался, как труд простой, как труд самообслуживания, потом, как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный, — упражнение в трате мускульной энергии. И слово труд так освещало логику, что она казалась непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной». И далее Антон Семенович правильно замечает, что труд в применении к воспитанию может быть организован по-разному и в зависимости от этого может давать разные результаты. Глубоко справедливы его слова: «Во всяком случае труд без идущего

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 72.

рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом»¹. Труд, по заявлению Антона Семеновича, как воспитательное средство возможен лишь как часть общей системы (а не вследствие этической фетишизации труда как такового), когда он связан с общим образованием и воспитанием коммунистической морали.

Третий тип ошибочного понимания целесообразности Макаренко назвал «типом уединенного средства», когда какое-либо воспитательное средство берется как отдельное, изолированно от других, от всей системы воспитания. Человек не воспитывается по частям: «Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным и отрицательным; решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных»². В качестве примера Антон Семенович берет наказание. Рассматривая наказание изолированно, педагоги утверждали: «Наказание воспитывает раба», тогда как, по его мнению, наказание может воспитывать и раба и иногда очень хорошего человека, свободного и гордого. Все дело в том, в какой связи наказание стоит со всеми другими средствами воспитания.

Возражая против фетишизации «уединенного средства», требуя, чтобы педагогические приемы и методы рассматривались в их связи, Макаренко следовал известному закону диалектического материализма.

Педагогическая логика исходит из цели воспитания — такого поведения, «таких характеров, таких личных качеств, которые необходимы советскому государству в эпоху диктатуры пролетариата, в момент становления бесклассового общества», говорит Макаренко.

Диалектическая логика рассматривает явления не в статике, а в динамике, в движении, развитии. Отсюда А. С. Макаренко делает вывод, что «проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании потребностей общества.... Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько измененные требования, причем изменения эти будут вноситься посте-

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 72.

² А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, 1948, стр. 38.

пенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни»¹.

Равным образом, никакая система воспитательных средств не может быть установлена навсегда. Она не может быть мертвой, застывшей нормой, но изменяется, развивается потому, что растет и ребенок, растет и изменяется наша страна.

Правильная организация педагогического процесса не может быть построена ни на индукции, ни на дедукции, отдельно взятых, но лишь на сочетании их. Конечно, педагогическая теория должна быть обобщением опыта. При этом Макаренко предостерегает против обобщений случайного опыта или отдельных приемов. «Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании и в результатах, только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения»². Но и этот цельный опыт надо использовать умело, не искажая его. Если же в него вносятся необоснованные «коррективы», нарушающие логику опыта как стройного целого и привносящие в него чуждую ему логику, ничего хорошего из такого «использования опыта» получиться не может.

Это не значит, что опыт должен приниматься без критики, исправления; наоборот, всякое дело должно совершенствоваться; дополнения и изменения должны вноситься, однако, на основании длительной проверки и притом проверки коллективной.

Правильно основываться на опыте — это отнюдь не значит идти исключительно индуктивным путем, писал Макаренко. Читая эти слова, вспоминаешь слова Энгельса («Диалектика природы») о том, что нет индукции без дедукции. А. С. Макаренко, следуя этому положению, так раскрывает основные положения педагогической логики. «Как и во всякой другой области, опыт возникает из дедуктивных положений, и они имеют значение далеко за пределами первого момента опыта, остаются направляющими началами на всем его протяжении»³.

В основу педагогической логики, как уже сказано, Макаренко положил принцип целесообразности воспитания. Вопрос о цели воспитания красной нитью проходит через его произведения и через всю его практическую педагогическую деятельность.

«Педагогическая поэма» начинается эпизодом «Разговор с завгубнаробразом». Поручая Антону Семеновичу организа-

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, 1948, стр. 89.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 103.

цию колонии, заведующий Полтавским губернским отделом народного образования сказал: «Важно нового человека воспитать». В этих безыскусственно-простых, кратких, но сильных словах советский народ давал Антону Семеновичу свой наказ. Это требование в процессе долгой работы Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского наполнялось и обогащалось конкретным содержанием — установлением тех качеств, какие характеризуют нового человека нашего социалистического общества. В соответствии с этой целью вырабатывались и успешно применялись средства воспитания, и когда система воспитания уже вполне сложилась и была длительно проверена опытом, Антон Семенович мог с удовлетворением сказать в «Флагах на башнях»: «что он (Захаров) теперь знал силы своих воспитанников и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: «Будьте настоящими людьми!»

Под целью воспитания Макаренко понимал «программу человеческой личности» или, как он формулировал в другом месте, «проектируемые качества личности», необходимые для человека нашего социалистического общества. Эти качества надо проектировать далеко вперед, обгоняя сегодняшнюю общественную жизнь. В статье «Педагогижимают плечами» Антон Семенович дает подробное перечисление этих качеств:

«Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательное среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчивым и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день»¹.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 33.

В статье «Цель воспитания», написанной позже (1937 г.), Макаренко дополнил эту формулировку цели воспитания еще несколькими чертами: «Мы должны выпускать из наших школ энергичных и идейных членов социалистического общества, способных без колебаний, всегда, в каждый момент своей жизни, найти правильный критерий для личного поступка, способных в то же время требовать и от других правильного поведения. Наш воспитанник, кто бы он ни был, никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек. Он всегда должен выступать прежде всего как член своего коллектива, как член общества, отвечающий за поступки не только свои, но и своих товарищей»¹.

В своей последней статье Антон Семенович указывал, что воспитание воли, мужества и целеустремленности имеет первостепенное значение, особенно в период перехода от социализма к коммунизму.

Макаренко различает качества личности, какие должны быть общими для всех советских людей, и качества личные, индивидуальные. Те качества, которые перечислены в приведенных выше цитатах, являются общими, должны быть воспитываемы у всех. Но, кроме них, есть еще индивидуальные качества и цели индивидуального воспитания в зависимости от личных способностей и направленности. Мы должны всегда помнить, что «каким бы цельным ни представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, все же люди в известной степени представляют из себя очень разносортный материал для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» обязательно будет тоже разнообразен»².

Это сочетание общего и особенного, отдельного, общего и частного делает воспитание процессом очень трудным, не допускающим никакого шаблона и обезлички.

Выдвигая этот вопрос педагогической логики, Макаренко разрешал его диалектически в свете указаний В. И. Ленина о взаимоотношении общего и отдельного, о том, что отдельное входит в общее не всеми своими признаками, что каждое отдельное богаче, разнообразнее общего.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946.

² А. С. Макаренко, Педагогические сочинения, 1948, стр. 89.

ВОСПИТАНИЕ В КОЛЛЕКТИВЕ

„Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста“.

(А. С. Макаренко, Некоторые педагогические выводы из моего опыта.)

„Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя коммунистическую партию, ведущую его к подлинному счастью“.

(А. С. Макаренко, Цель воспитания.)

В учении о коллективе как основе и средстве воспитания Макаренко следовал установкам классиков марксизма-ленинизма об общественном воспитании и коммунистической морали.

Воспитывать в коллективе, через коллектив и для коллектива — таково важнейшее требование, в свете которого Макаренко рассматривает все остальные вопросы: трудовое воспитание, развитие чувства долга, дисциплины, семейное воспитание и др. «Советская семья должна быть только коллективом. Теряя признаки коллектива, семья теряет большую часть своего значения как организация воспитания и счастья»,¹ — говорит Макаренко.

Вопрос о коллективе как педагогическая проблема мог быть поставлен во всю ширь и правильно разрешен только в советской педагогике.

Проблеме воспитания коллективизма много внимания уделяла в своих педагогических работах Н. К. Крупская, крупнейший советский педагог. Коллективизм, по словам Надежды Константиновны, это первое качество, которое следует развивать у детей уже в раннем детстве. В противовес

¹ А. С. Макаренко, Книга для родителей, 1937, стр. 88.

буржуазному индивидуализму, эгоизму, когда каждый соблюдает только свои личные интересы, новый человек подчиняет эти интересы общественному благу, становится более могучим, осуществляя принцип: «Все за одного, один за всех».

Какой бы вопрос воспитания ни рассматривала Н. К. Крупская, она подходила к его разрешению прежде всего с точки зрения коллективизма.

Детские сады важны прежде всего потому, что в них дети дошкольного возраста воспитываются как члены дружного, спаянного коллектива. Эстетическое воспитание, значение искусства и его влияние на человека Н. К. Крупская также рассматривает прежде всего с точки зрения тех связей, совместных сильных переживаний, какие создаются у многих людей под влиянием произведений искусства. Анализируя причину религиозности многих людей, Надежда Константиновна указывает, что нередко эта религиозность возникла на почве беспомощности одинокого человека. Не видя поддержки в действительном мире со стороны людей при старом общественном строе, слабый, одинокий человек нередко создавал себе призрачную силу в виде божества.

В «Письмах к пионерам», в статье «Воспитание молодежи в ленинском духе» Н. К. Крупская горячо призывает молодежь быть коммунистами в подлинном смысле слова, общественное дело ставить выше всего. В годы борьбы за коллективизацию сельского хозяйства она особенно подчеркивает необходимость воспитания коллективизма, который должен переделать сознание миллионов бывших мелких и единоличных хозяев.

А. С. Макаренко продвинул и разработал далее вопрос о воспитании в коллективе, о педагогическом и социальном значении коллектива как в своей практической деятельности, так и в теоретических работах.

В обширной работе «Методика организации воспитательного процесса»¹ А. С. Макаренко подробно разработал вопрос о воспитании в коллективе, дал ряд глав, где рассмотрены вопросы: «Организационное строение коллектива», «Общее собрание», «Совет коллектива», «Актив», «Новые воспитанники», «Стиль работы с коллективом» и ряд других вопросов, относящихся к жизни и воспитательной работе коллектива.

Кроме того, Антон Семенович предполагал написать еще одну работу о коллективе, где намечал разработать вопросы:

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений, Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 117—206.

Сборка электросверлилки «ФД-1»

Дневальный у мемориальной доски у входа
в коммуну им. Дзержинского

«Коллектив и его организация», «Общее движение, коллектива и его законы», «Эстетика коллектива», «Связь коллектива с другими коллективами», «Преемственность поколений в коллективе», «Коллектив педагогов и их центр»¹. Вопросу о коллективе посвящены многие педагогические статьи А. С. Макаренко. Идея воспитания в коллективе красной нитью проходит через всю «Педагогическую поэму» и в ее продолжении — «Флагах на башнях».

Мы уже упоминали о том, что А. С. Макаренко с негодованием отверг рефлексологическое определение коллектива как «группы взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения». В противоположность этой биологизации понятия «коллектив», А. С. Макаренко рассматривает коллектив как социальное явление. Уточняя понятие «коллектив», он говорит, что не всякая совокупность, не всякое случайное собрание людей может быть названо коллективом. Так, группа людей, наполняющая вагон трамвая, отнюдь не является коллективом.

Исходя из того, что только в нашем социалистическом обществе созданы правильные отношения между личностью и обществом, Макаренко вкладывает в понятие «коллектив» революционный, социалистический смысл. В статье «О личности и обществе»² Антон Семенович писал: «Попробуйте в любом советском окружении сказать неожиданно: коллектив завода Круппа. Даже неискушенный в социологии советский гражданин услышит нечто дикое в сопоставлении слов «коллектив» и «Крупп». Иными словами говоря, подлинный коллектив Макаренко мыслит как явление нашего, социалистического общества, но отнюдь не общества буржуазного.

Под коллективом он понимает не случайное скопление людей, но объединение их для достижения общих целей в общем труде с определенной системой полномочий, ответственности, с соотношением отдельных его частей и их взаимозависимостью. В той же статье «О личности и обществе» он определяет коллектив как свободную дисциплинированную группу трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованную, снабженную органами управления, дисциплины и ответственности.

В «Опыте методики работы детской трудовой колонии», определяя характерные признаки коллектива, А. С. Макаренко указывает, что «только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступления, Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 117—206.

² «Известия» ЦИК СССР от 9 декабря 1936 г., № 286.

коллективом»¹. Мы говорим «коллектив Харьковского тракторного завода», мы никогда не скажем «коллектив завода Форда».

В статье «Цель воспитания», помещенной в газете «Известия» от 28 августа 1937 г.², Макаренко указывает: «Коллектив, который должен быть первой целью нашего воспитания, должен обладать совершенно определенными качествами, ясно вытекающими из его социалистического характера». Качества эти следующие: 1) коллектив объединяет людей не только в общей цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда; 2) коллектив является частью советского общества, органически связанной со всеми другими коллективами и 3) достижение целей коллектива, общий труд, долг и честь коллектива не могут быть игрой случайных капризов отдельных людей, откуда следует, что коллектив является социальным единством, обладающим органами управления и координирования, уполномоченными представлять интересы коллектива и общества; в нем большое значение имеют принципы распоряжения, обсуждения, подчинения товарища товарищу, ответственности и согласованности.

Макаренко употребляет иногда в определении коллектива слова «социальный организм»³; нам кажется, что лучше не употреблять этих слов, а говорить (как это в других местах говорит и сам А. С. Макаренко) «социальное единство», «социальная совокупность», «социальное целое». Неудачное выражение «социальный организм» может дать (и уже давало) повод к обвинению в биологизации, в некотором влиянии неправильной «органической теории общества», механически рассматривающей общество по аналогии с биологическим организмом. Целый ряд резких высказываний Антона Семеновича против биологизации коллектива и воспитания, его страстная борьба против биологических теорий воспитания (рефлексологической и др.) не оставляют ни малейшего

¹ А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 97.

² А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 29.

³ Например, определение коллектива, данное Антоном Семеновичем в его выступлении на собрании учителей Ленинграда (6 октября 1938 г.): «Некоторые выводы из моего педагогического опыта»: «Коллектив это социальный живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище» (Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 162).

сомнения в том, что Макаренко никоим образом не связывал своих воззрений на общество вообще и на коллектив с пресловутой «органической теорией общества», а лишь допустил в отдельных случаях неудачное выражение.

По отношению к каждой отдельной личности, пока она добровольно состоит членом коллектива, последний требует беспрекословного подчинения, так как он обладает правом суверенитета по отношению к каждому из своих членов. Право распоряжения коллектив признает только по уполномочию, данному коллективом или союзом коллективов. Возможен коллектив только при условии, если он объединяет людей для деятельности, полезной для всего общества. В процессе воспитания мы рассматриваем воспитанника не как объект для дрессировки, но считаем его членом нашего общества, активным его деятелем. Это не только собрание молодежи, но прежде всего ячейка социалистического общества.

Одним из важнейших законов коллектива Макаренко считает закон движения коллектива: «Не может быть допущена остановка в жизни коллектива». Этот закон теснейшим образом связан с системой перспективных линий. Если коллектив достиг поставленных целей, а новых перспектив себе не поставил, движение коллектива останавливается, наступает самоуспокоение, нет больше стремлений, воодушевляющих участников коллектива, нет у него будущего.

Воздействовать на отдельную личность сильнее всего можно, действуя на коллектив, членом которого является данная личность. Это положение Макаренко назвал «принципом параллельного воздействия». Он совершенно правильно считал, что в «Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива». В каждом воспитаннике надо развить сознание его зависимости от общественного мнения и сознание его ответственности перед коллективом.

Идеальным положением, к которому надо стремиться в воспитании, является такое, когда интересы коллектива и интересы личности вполне совпадают. Однако возможны отдельные конфликты между ними. В таких случаях, говорит Макаренко, «предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца, и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности»¹.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 95.

Первая, главнейшая задача педагога — создать крепкий, сознательный коллектив. В этой задаче коллектив выступает как объект воспитательных усилий педагога. Когда такой коллектив или, по крайней мере, для начала ядро, актив, создан, этот коллектив, продолжая, конечно, оставаться объектом воспитания для педагога, является в то же время субъектом воспитания для каждого из своих членов. Коллектив осуществляет большую воспитательную работу «совместно с педагогом и под его руководством».

Точность команды, воздействие, умение подчиняться, ответственность — необходимые правила воспитательной работы коллектива.

Воспитание в коллективе и через коллектив не исключает «педагогички индивидуального действия». «Каждый человек неповторим», напоминает Макаренко. Каждая отдельная личность своеобразна. В своей работе над воспитанием характера педагог и коллектив должны учитывать личные особенности каждого воспитанника, не допуская никакого шаблона, трафарета, готовых рецептов. В воспитательной практике А. С. Макаренко бывали случаи, когда он даже не сообщал коллективу о проступке отдельного воспитанника. В каждом конкретном случае педагог применяет принцип параллельного действия или индивидуального действия, руководствуясь педагогической целесообразностью.

Искусство педагога заключается в том, чтобы сочетать свое руководство с большими реальными правами коллектива. Для этого он должен направить коллектив таким образом, чтобы воля педагога и воля коллектива были едиными.

Одним из важных, необходимых признаков коллектива Макаренко считает соотношение частей коллектива и их взаимозависимость. Развивая эту мысль, Макаренко в 1938 г. указывал, что нередко у нас дети и педагоги замыкаются только в своем классе.

«Наша школьная сеть, которой вправе гордиться страна, — писал он, — представляет собою в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед.... Каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.... Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могучую силу общественного мнения как регули-

рующего и дисциплинирующего воспитательного фактора»¹.

В колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского были отдельные маленькие коллективы (постоянные отряды, сводные отряды), но каждый из них, выполняя свои задания, составлял часть мощного коллектива колонии и коммуны.

Большое значение придавал Антон Семенович «преемственности поколений в коллективе». В воспитательных учреждениях, созданных Макаренко, младшие дети приобщались к традициям коллектива, учились соблюдать его честь, выполнять общие задачи коллектива. Таким образом, преемственность целей, традиций в коллективе не прерывалась с выходом из него «старой гвардии». Эта черта — преемственность — настолько была ясно выражена в воспитательных учреждениях Макаренко, что о ней неоднократно говорят в своих отзывах посетители коммуны им. Дзержинского.

Спаянный, дружный коллектив воспитанников можно создать лишь в том случае, если имеется коллектив педагогов, стоящий не рядом, не отдельно или параллельно с коллективом учащихся, а как часть общешкольного коллектива: «Нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом»². Эта коллективная ответственность ни в какой мере, конечно, не снимает и не уменьшает единоличной ответственности руководителей всего школьного коллектива: директора, заведующего и руководителей первичных коллективов (в школе — классных руководителей).

Напротив, Макаренко учит сочетать авторитет, реальные большие права коллектива с авторитетом руководителя, говоря с полным правом, что в известных случаях нужно уметь быть даже диктатором.

Учение А. С. Макаренко о коллективе как о воспитательном факторе имеет большое значение для советской школы, пионерского движения и воспитания в семье. Каждый советский педагог может почерпнуть для себя в этом учении много ценного. Конкретные указания, которые Антон Семенович дает в своей «Методике организации воспитательного процесса» (см. страницы 117—206 «Педагогических сочинений» А. С. Макаренко. Изд-во АПН РСФСР, 1948), примененные учителями советских школ и педагогами детских домов с учетом условий их воспитательных учреждений, приносят советским педагогам большую пользу.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 45.

² Там же, стр. 45.

ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

„Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание не трудовое. Труд всегда был основой для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов“.

(А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей.)

Большое место в педагогическом наследстве А. С. Макаренко занимают вопросы трудового воспитания. В освещении этих вопросов он внес много нового и оригинального.

В лекции «Методы воспитания», прочитанной в январе 1938 г. для сотрудников Наркомпроса РСФСР, А. С. Макаренко подверг основательной критике «трудовое воспитание», как оно ставилось в школе в 20-х годах, когда некоторые педагоги провозгласили и проводили неправильный лозунг «Труд как центр всей школьной работы». Многие школы считали тогда своей заслугой не хорошее знание учащимися основ наук, не хорошо организованное воспитание, а постановку ручного труда.

Антон Семенович правильно охарактеризовал это одностороннее увлечение ручным трудом как фетишизацию трудового воспитания. Он напомнил, что в практике школы было увлечение самообслуживанием, затем наступило увлечение трудом как «трудовым процессом», нередко бессельным, непроизводительным, просто как упражнением в трате мускульной энергии.

А. С. Макаренко указал, что «труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете сколько угодно заставить человека трудиться, но если одновременно с этим

вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим никакого положительного результата. Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы»¹.

Таким именно и было трудовое воспитание в опыте А. С. Макаренко.

В коммуне им. Дзержинского Макаренко на практике показал возможность соединения для детей старшего возраста производительного труда на технически-высокопоставленном производстве с обучением в школе, дававшей полное среднее образование (подробнее мы уже говорили об этом выше, особенно в главе «Коммуна им. Дзержинского»).

Макаренко учитывает, понятно, что далеко не везде есть такие условия труда, какие были в коммуне. Он ставит поэтому вопрос о трудовом воспитании, возможном в каждой школе и каждой семье, т. е. о воспитании практических трудовых навыков. При этом он подчеркивает, что труд не только создает материальные ценности, но имеет психолого-педагогическое значение, так как только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное нравственное отношение к другим людям.

Выясняя значение трудового воспитания в семье, Антон Семенович выдвигает следующие пять положений²:

1. Способность к труду не дается человеку от природы, но воспитывается (в особенности в молодости). Трудовая подготовка—залог благосостояния человека, общественного и личного.

2. В противоположность старому обществу, где труд был принудительным и для подавляющего числа людей необходимым, чтобы не умереть с голоду, «в Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду—особая задача воспитателя».

Такой творческий труд должен быть трудом радостным, сознательным, основной формой проявления личности и таланта.

В этом требовании—труд должен быть творческим, радостным—Макаренко всецело следует известной ленинско-сталинской оценке труда в социалистическом обществе как дела доблести и геройства, в противоположность труду в

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 72—73.

² Там же, стр. 271—272.

эксплуататорском обществе, где труд был и остается тяжким бременем.

3. Труд в социалистическом обществе является возвышенной нравственной категорией.

Трудовое воспитание — важнейшее условие нравственного воспитания: «Совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу». В труде в нашем социалистическом обществе осуществляется правильное деловое решение вопросов личного и общественного, уничтожается характерная для буржуазного общества противоположность между трудом физическим и умственным.

4. Труд, давая физическое развитие, развивает человека (и это главное) в духовном отношении.

5. Труд, кроме его общественного значения, играет большую роль и в личной жизни человека, давая ему уверенность в своих силах, чувство большого удовлетворения и личного счастья.

Очень ценны методические указания по трудовому воспитанию, которые Макаренко дает родителям (они сохраняют свое значение не только в области семейного воспитания).

Трудовые задания должны быть рассчитаны не только на применение физического труда, но и на упражнение в разрешении организационных задач. Это сочетание трудового воспитания и развития организационных навыков, прекрасно достигалось, как уже указано, в педагогической практике Макаренко путем трудовых отрядов, особенно, так называемых сводных отрядов.

Давая трудовое задание, надо его продумать так, чтобы детям был предоставлен некоторый простор в выборе средств выполнения этого задания. Это будит интерес детей к работе и их инициативу.

Желательно давать не только разовые поручения, но длительные задания, рассчитанные на месяцы (и даже годы) с тем, чтобы мальчики или девочки длительное время несли ответственность за порученную им работу (скажем, к примеру, поддержание чистоты в комнате, обработка грядок в домашнем огороде и т. д.).

Нужно развить в детях внимательное отношение к нуждам своего коллектива или семьи и при этом добиваться, чтобы мальчик или девочка не ждали, пока им другие укажут, что надо сделать, а сами замечали необходимость той или другой работы и изъявляли готовность ее выполнить. Развитие этой черты не только способствует воспитанию инициативы в детях, но придает нравственный характер их тру-

довой деятельности, развивает в них заботливость к нуждам других людей.

Воспитатели должны следить, чтобы трудовая деятельность младших детей не делалась предметом эксплуатации со стороны старших, как это иногда бывает в домашнем быту. Трудовая деятельность детей должна быть построена только на началах взаимопомощи. Гуманизм и нравственный дух этого указания становятся особенно очевидными, если мы сравним, например, этот гуманный подход с грубым тьюторством, сделавшимся традицией в некоторых старинных английских средних школах (Итонской, Шефстбери и др.), где новички обязаны в качестве компенсации за покровительство чистить старшему ученику, своему «тьютору», ботинки, быть у него на побегушках и т. п.

Организуя трудовую деятельность детей, следует обращать внимание на развитие умения ориентироваться, на планирование работы, на бережное отношение к времени, материалам, продукту труда своего и других людей, на качество работы.

Большое значение имеет также известное разнообразие работ, умение переключаться с одной работы на другую и в то же время выполнять до конца какую-либо одну, хотя и наскучившую, работу.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ДОЛГА И ЧЕСТИ, ВОЛИ И ХАРАКТЕРА. ДИСЦИПЛИНА

„Мы требуем от нашего гражданина чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказа, чтобы он обладал инициативой и творческой волей“.

(А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей.)

— „Дисциплина—это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность. Все, что есть в коллективе, в конечном счете принимает форму дисциплины. Дисциплина—это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза“.

(А. С. Макаренко, О моем опыте.)

Проблема воспитания чувства долга была выдвинута в дореволюционной русской педагогике К. Д. Ушинским. В противовес «забавляющей педагогике» немецких филантропов, оспаривая тех, кто считал, что учение надо делать для детей легким и приятным, Ушинский указывал, что учение — дело серьезное и надо развивать у детей серьезное отношение к своим обязанностям, чувство долга, сознание, что «делу — время, а потехе — час».

Представители «теории свободного воспитания» накануне и в первые годы Великой Октябрьской революции выступали против идеи долга как воспитательного требования. Сентиментально идеализируя ребенка, говоря о какой-то «совершенной природе» ребенка, о каких-то его идеальных врожденных свойствах, они считали, что нельзя класть в основу воспитания идею долга, так как это будто бы противоречит свободе ребенка, развитию его творческих сил и т. п.

А. С. Макаренко с первых же шагов своей педагогической работы восстал против этой идеализации детей «Маниловыми от педагогики». Он защищал воспитание долга как одну из главнейших задач советской педагогики, разъясня новое содержание идеи долга в наших советских условиях.

Говоря о системе перспективных линий, Антон Семенович указывает, что перспективы должны расширяться от примитивных, имеющих в виду удовлетворение ближайших материальных нужд, до «глубочайшего чувства долга». Это долг каждой отдельной личности по отношению к своему коллективу и далее — перед родиной, перед всем народом.

Выдвигая принцип «чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему», Макаренко сочетает глубоко гуманное отношение к человеку с идеей долга по отношению к обществу. Он говорит о долге не в туманной трактовке, как это обычно делали идеалисты, например, Кант, который исходил из понятия «автономной доброй воли», «внутреннего долга», а в ясных выражениях. Руководящим принципом при рассмотрении Антоном Семеновичем воспитания чувства долга, как и в других вопросах воспитания, является проблема взаимоотношений личности и общества в социалистическом обществе.

«Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказа, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел притти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность»¹. Так исчерпывающе формулировал А. С. Макаренко проблему долга.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 253—254.

В противоположность буржуазным теориям долга, которые (как, например, теория Канта) противопоставляли личность и общество, общественный долг и личный интерес, свободу и необходимость, Макаренко имеет в виду понятие социалистического долга, основанное на том, что личность и общество при социализме не противостоят друг другу.

В статье «О личности и обществе» А. С. Макаренко указывает, что эта проблема не могла быть разрешена в буржуазном обществе, несмотря на усилия многих замечательных умов. Придумывались различные теории: любви к ближнему и любви ко всему человечеству, непротivления злу, «сверхчеловека» и т. д. Все эти теории были обманом или же заблуждением великих умов, искавших выхода из тупика старого мира. Эта проблема впервые за всю историю человечества нашла положительное решение в нашей стране.

«Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «человек» — такими словами кончается эта статья Макаренко¹.

Идея долга в педагогической системе Макаренко не противостоит идее правильно понятого личного интереса. То и другое представляет единство, так как личность в нашем понимании не существует вне общества, так как свобода — это осознанная необходимость. Самое высокое личное удовлетворение, величайшее счастье заключается в сознании, что ты своей личной деятельностью принес максимальную пользу обществу.

Великая Отечественная война, великие подвиги Советской Армии, таких патриотов, как Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, героически отдавших свою жизнь за Родину, самоотверженная работа миллионов советских людей в тылу, обеспечившая успехи Советской Армии в борьбе с врагом, красноречиво говорят нам, как важна идея долга в деле воспитания молодого поколения. С этой идеей долга Макаренко тесно связывает воспитание чувства чести. Он умел развивать чувство чести в каждом из своих воспитанников: чувство чести своего коллектива, своей колонии или коммуны.

В «Педагогической поэме» Макаренко с большой иронией изображает нападки на него представителей «педагогического

¹ А. С. Макаренко. О личности и обществе, „Известия“ ЦИК СССР от 9 декабря 1936 г.

«Олимпа» во время обсуждения в Наркомпросе УССР его воспитательной системы в 1928 г. Один из кабинетных «теоретиков» громил систему Макаренко:

«С глубокой печалью и удивлением услышали мы сегодня от уважаемого руководителя двух образцовых учреждений призыв к воспитанию чувства чести. Мы не можем не заявить протест против этого призыва. Советская общественность также присоединяет свой голос к науке, она также не примиряется с возвращением этого понятия...»¹. Так горе-теоретики клеветали на советскую педагогику и на советскую общественность.

Удивившая мир борьба нашей Советской Армии против фашистских захватчиков ярко свидетельствует нам, как важно воспитание чувства чести у нашей молодежи. О поддержании чести своей школы, своего класса говорят «Правила для учащихся» советской школы.

В статье «Воля, мужество, целеустремленность» (март 1939 г.) Макаренко писал: «...советская воля отличается от воли в буржуазном обществе. Там воля необходима человеку для подавления другого человека, там целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога.... Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе.... организация коллектива, организация требований к человеку, организация реальных, живых целевых устремлений человека вместе с коллективом,— вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы»².

Говоря о целеустремленности, Макаренко имеет в виду, понятно, не сентиментальные беспочвенные маниловские мечтания, не романтические грезы о призрачном прекрасном, куда влечет разочарованных мечтателей, но большевистскую целеустремленность — умение ставить большие жизненные, реальные цели и, работая над собою и над окружающими, настойчиво и радостно добиваться осуществления этих целей.

Человек полон творческих сил и больших возможностей, но реализовать эти возможности, приложить эти силы он сможет лишь в том случае, если у него будут воспитаны воля и характер.

Макаренко остро критиковал неправильный подход школы к задаче воспитания характера. «Даже и то внимание, кото-

¹ А. С. Макаренко, «Педагогическая поэма», «Советский писатель», 1947, стр. 629—630.

² А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 42.

рое уделяется этой воспитательной работе, — говорил он, — направлено неправильно. Оно сосредоточено лишь на дезорганизаторах. Это, конечно, необходимо, но этим задача далеко не исчерпывается: такие характеры, как тихони, исусики, накопители, приспособленцы, шляпы, разини, мечтатели проходят мимо ее воспитательных забот. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных».

Эта мысль Макаренко замечательна. Не тихонький, пассивный мальчик-паинька, которого не видно и не слышно в школе, который и в жизни, по выходе из школы, не даст ничего яркого, творческого, — идеал Макаренко, но активный, с твердой волей, дисциплинированный член коллектива, подлинный представитель молодой гвардии, смелой, активной, жизнедеятельной.

В тесной связи с изложенными выше положениями решается вопрос о дисциплине.

Следуя марксистско-ленинскому учению, Макаренко внес в педагогику новое понимание дисциплины. В педагогических теориях буржуазных стран и до сих пор еще господствует гербартианское понимание дисциплины, только как средства, с помощью которого устанавливается порядок, необходимый для воспитания и обучения. Герbart определяет управление (дисциплинирование) как подавление дикой резвости, ломку еще не установившейся воли ребенка. В противовес Герbartу, педагоги-«реформаторы» конца XIX и начала XX века выдвинули идеализацию ребенка, маниловское любовное детство, анархическую «теорию свободного воспитания» как полное отрицание какой бы то ни было дисциплины (кроме «дисциплины естественных последствий», которую еще в XVIII в. выдвинул Ж.-Ж. Руссо).

Макаренко считает, что дисциплина прежде всего результат воспитания, затем уже она становится средством.

В противовес ограниченному пониманию дисциплины, только как средства наведения порядка (как ее понимал Герbart), Макаренко выдвигает глубокое и содержательное ее понимание как дисциплины борьбы и преодоления, тесно связывая дисциплинирование с воспитанием воли и мужества: «У наших школьников иногда бывает еще дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления», — говорит Макаренко в своей последней статье «Воля, мужество, целеустремленность» (март, 1939 г.).

Это значит, что дисциплина заключается не только в порядке, точности, аккуратности, послушании, выполнении правил и требований, но и в борьбе за более высокое качество, в преодолении трудностей, в настойчивом достижении поставленных целей.

«Дисциплина нужна нашей стране потому, что у нас мировая, героическая работа, потому что мы окружены врагами; нам придется драться, обязательно придется. Вы должны выйти.... закаленными людьми, которые знают, как нужно дожить своей дисциплиной», — писал Антон Семенович в романе «Флаги на башнях»¹.

Характерно, что многие мыслители и педагоги прошлого (например, Кант) определяли дисциплину как нечто отрицательное; дисциплина указывала чего не надо делать: «не шали», «не ленись», «не опаздывай» и т. д. Понимаемая так дисциплина, конечно, приобрела какой-то пассивный характер. Макаренко считал такое понимание дисциплины ограниченным. У него дисциплина, наоборот, имеет характер активный и даже боевой, не только останавливает, но и мобилизует и самого дисциплинируемого и всех окружающих на борьбу за более высокие результаты.

Наиболее дисциплинированным рабочим на производстве является тот, кто не только не допускает нарушений правил внутреннего распорядка, выполняет установленную норму, (это необходимо, конечно), но рабочий-стахановец, творчески относящийся к труду и сумевший так наладить свою работу, что при высоком качестве продукции дает две-три нормы. К дисциплине высокой организованности, к преодолению косности, старинки, обыденщины, вялости, посредственности, к проявлению инициативы и творчества зовет Макаренко. Дисциплина не только сдерживает, но и окрыляет, вдохновляет.

Большое значение при воспитании дисциплины он придает умению переносить временные лишения, бороться с трудностями. В колонии им. А. М. Горького и коммуне им. Дзержинского был хороший оптимистический лозунг: «Не пичать!», тесно связанный с макаренковским оптимизмом.

Некоторые педагоги (даже специально изучавшие проблему дисциплины в педагогической системе Макаренко и посвятившие этому вопросу свои диссертации) поняли формулу «дисциплина борьбы и преодоления» узко, как «дисциплину борьбы и преодоления препятствий».

Между тем, сам Макаренко не включает в свое определение этого последнего слова («препятствий»). Дисциплина борьбы и преодоления глубже и шире, чем только борьба с препятствиями и преодоление препятствий. Не всякое затруднение является препятствием. Выполнение двух норм — разве это «препятствие»? Но А. С. Макаренко своей формулой «дисциплина борьбы и преодоления» как бы говорит: ты

¹ А. С. Макаренко, Флаги на башнях, 1939, стр. 209.

достиг двух норм — борись за более высокие показатели, преодолевай эти две нормы, дисциплинируй себя, чтобы добиться выполнения трех, четырех, пяти норм. В своем выступлении в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 г. Макаренко говорил: «Советская дисциплина — это дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то».

Воспитанник А. С. Макаренко С. А. Калабалин (изображенный в «Педагогической поэме» под фамилией Карабанова) на одном из вечеров памяти Макаренко рассказал следующий эпизод:

«Однажды целый отряд колонистов был послан на заготовку дров. В течение нескольких дней мы в лесу работали очень напряженно, с большим увлечением. Спилили много деревьев, разделали, сложили их в штабеля. Сами удивились, сколько сделали! В несколько раз больше, чем ожидали. Ждем с чувством больших достижений Антона Семеновича. Приехал он, поглядел; ждем с улыбкой, что скажет. Поразить его думали.

А он и говорит:

«Ну, и наворотили же вы». И после небольшой паузы: «А ведь можно было сделать и еще больше».

«...В советском обществе, — говорит Антон Семенович, — дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности»¹.

Вопросу «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» Макаренко посвятил, кроме статей, кроме многих страниц «Педагогической поэмы», «Флагов на башнях», специальную лекцию для работников Наркомпроса РСФСР. В этой лекции он говорил: «Я предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции, — в дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище»².

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 254.

² Там же, стр. 87.

Гимнастика в колонии им. Горького (Курж)
Руководитель С. А. Калабалин (Карабанов)

Кавалерийская секция в коммуне им. Дзержинского

В противовес этому, Макаренко дает принципиальное новое понимание дисциплины как явления (в нашем, социалистическом обществе) политического и нравственного; не как дисциплины подавления личности, а как дисциплины борьбы за счастье общества и все более высокие достижения, преодоления трудностей, «пределов» и т. п.

Сущность этой дисциплины ярко выражена словами А. С. Макаренко, которые мы привели в эпиграфе этой главы.

Хорошим средством воспитания дисциплины является режим, но его нужно правильно организовать.

Режим — это средство воспитания, а всякое средство должно соответствовать цели, быть уместным при данных условиях. Поэтому режим не может быть неизменным, одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка и многие другие обстоятельства определяют и изменяют режим.

Поэтому Макаренко прямо указывал, что нельзя рекомендовать всем родителям какой-нибудь один режим.

«Режимов есть много, и нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке», — говорил он.

Можно лишь установить определенные принципы, требования, которым должен отвечать режим. Это — целесообразность, определенность (точность), обязательность режима.

Принятый в известных условиях, разумно обусловленный режим должен отличаться определенностью и точностью: малейшие нарушения этого режима должны обязательно отмечаться. Режим ребенка в семье должен охватывать весь его распорядок дня: время вставания и отхода ко сну, правила аккуратности и чистоты, распределение рабочего времени ребенка, время принятия пищи, игры, прогулок.

Формы режимных отношений между родителями и детьми могут быть различными. Уместны и ласка и беседа, уступчивость и твердость, однако, нельзя злоупотреблять какой-либо односторонней формой; главной формой является, однако, распоряжение¹.

Мер воздействия на детей Антон Семенович указывает много: общественное мнение, авторитет и личный пример, распоряжение, убеждение и разъяснение, традиции, режим, поощрение.

Из них в условиях коллектива особое значение имеет общественное мнение. «Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива, — писал Макаренко, — закаляет характер ученика, воспитывает

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 256—259.

волю, прививает общественно-полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества»¹.

В колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского, где был сильный, авторитетный коллектив, вызов провинившегося «на середину» на общем собрании для разбора его проступка был одной из сильнейших мер воздействия.

В семейном и школьном режиме главным приемом воздействия является распоряжение. Оно должно отдаваться спокойно, твердо, быть разумным, посильным для воспитанника, не противоречить другому распоряжению. Это распоряжение должно быть выполнено неукоснительно. За выполнением его родитель или педагог обязан проследить незаметно для детей, а иногда даже открыто.

В то время, когда многие педагоги, находившиеся под влиянием мелкобуржуазной «теории свободного воспитания», категорически отвергали применимость в советском воспитании наказаний, Макаренко с характерной для него смелостью педагогической мысли заявил, что они необходимы. В колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского он применял целую систему наказаний, несмотря на протесты и насмешки со стороны представителей «педагогического Олимпа».

С большим юмором и тонкой иронией изображает Антон Семенович отношение некоторых педагогов к вопросу о наказаниях:

«Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь. В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговаривают столько примечаний, что в сущности все остается попрежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99 процентов учеников нельзя наказывать, настолько они хороши....»².

Макаренко решительно протестует против ходячей фразы: «наказание воспитывает рабов». Наоборот, безнаказанность воспитывает хулиганство. Он отмечает большую разницу между наказанием в старой школе, где оно только углубляло конфликт между учениками и учителем, и наказанием в нашей системе воспитания, где наказание должно быть построено на новых, социалистических взаимоотношениях личности и общества, на принципе: чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 46.

² А. С. Макаренко, Воспитание характера в школе. Статья была помещена в газете «Правда» от 6 мая 1938 г. Избранные педагогические произведения, стр. 50.

Наказанию должны предшествовать меры не репрессивного характера: беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании. Наказание не должно иметь целью и не должно фактически причинять простого физического страдания.

Наказание имеет целью исправление ошибок, направлено на формирование воли воспитанника, на защиту интересов коллектива от произвола и своеволия отдельных его членов.

Как известно, жизнь доказала правильность взглядов А. С. Макаренко. Теперь этот вопрос уже не является дискуссионным.

Антон Семенович умел определять и налагать наказания с большим педагогическим тактом и психологическим учетом их эффективности.

Считая наказания неизбежными, пока существует еще сопротивление отдельных личностей требованиям общества, Макаренко, однако, отнюдь не делал наказания главным средством воздействия на воспитанника. Он советует прибегать к наказанию редко. Наибольшего эффекта наказание достигает тогда, когда создан крепкий, сплоченный коллектив, высоко поддерживающий свою честь и непримиримо относящийся к проступкам своих членов, порочащих эту честь.

Что же касается семьи, то Антон Семенович считал, что здесь надобность в наказаниях возникает, если родители допустили ошибки в воспитании. Он говорил: «Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказания никогда не бывает, и это самый правильный путь воспитания».

Поощрение и одобрение Макаренко рекомендует как меру, стимулирующую дальнейшие усилия воспитанника, поднимающую его веру в собственные силы. Формами поощрения в колонии и коммуне служили: похвала педагога, уважение товарищей, заявление на собрании о хорошем поступке, оказание доверия со стороны всего коллектива путем выбора в ответственные органы, объявление благодарности в приказе и т. п. Так же, как и наказания, поощрения должны быть достаточно редкими и хорошо взвешенными, соответствовать достижениям воспитанника.

Макаренко психологически тонко учел выбор мер воздействия, в каждом конкретном случае. В статье «Педагогическая логика» А. С. Макаренко говорит: «В зависимости от обстоятельств времени, особенностей личности и коллектива, таланта и подготовки исполнителей, от ближайшей цели, только что исчерпанной конъюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до сте-

пени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания».

В некоторых случаях Макаренко подходил постепенно к борьбе только с некоторыми отрицательными чертами колонистов, оставляя до поры до времени как бы незамеченными другие недостатки.

В других случаях он предпочитал применять (как он называл) «метод взрыва», быстрое, решительное действие, своего рода психологический натиск.

Так, «метод взрыва» Макаренко применил при «завоевании Куряжа». Этот же «метод взрыва» он применил в коммуне им. Дзержинского, когда сразу была принята группа в пятьдесят беспризорников, задержанных в поездах на крышах вагонов и т. п. Коммунары встретили их парадом на вокзальной площади. В коммуну «новенькие» проследовали в колонне стройных, чисто одетых коммунаров, застенчиво-беспомощно придерживая лохмотья своих «клифтов» (пиджаков).

Вдумайтесь поглубже в этот марш толпы беспризорных через весь город между стройными рядами коммунаров, и вы убедитесь, что еще до прихода на территорию коммуны у этих беспризорников произошел сильный перелом, не оставивший места бахвальству, озорству, агрессивным выходкам по отношению к коммунарам и их руководителю. Довести беспризорника, только что снятого с крыши вагона, до чувства застенчивости очень нелегко.

Их остановили возле бани, которая в ожидании «новоселов» была заблаговременно натоплена. Дело было летом, и прибывшим предложили тут же во дворе раздеться догола, сбросить их «клифты».

«Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубин своей души и общим вниманием и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников, были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином «барахло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смел жирный, мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

— Вся твоя автобиография сгорела.

Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко.

После этой огневой церемонии начались будни, в которых было все, что угодно, но почти не было пресловутой пере-

ковки: новенькие не затрудняли ни коллектива, ни Захарова»¹.

Это сожжение одежды беспризорников — «огневая церемония» — было для новоприбывших символом: со старой жизнью навсегда покончено.

Символике как методу воздействия Антон Семенович придавал большое значение в жизни детского коллектива: золотые и серебряные вензеля на рукавах, знамя, салют, сигналы горниста, рапорты и т. п. играли заметную дисциплинирующую роль в его воспитательных учреждениях.

В жизни этих учреждений, особенно в коммуне им. Дзержинского, большое место занимали традиции. Антон Семенович указывает, что традиции создают преемственность в воспитательной работе, связывают старших воспитанников с младшими в единый коллектив, придают данному воспитательному учреждению известное своеобразие: «Традиции, т. е. опыт взрослых поколений, ушедших 4—5—6 лет тому назад, что-то сделавших, что-то решивших, надо настолько уважать, чтобы этот опыт предшествующих поколений не так легко можно было бы менять», — говорил А. С. Макаренко в своем выступлении в Научно-практическом институте Наркомпроса РСФСР 20 октября 1938 г.² Эти традиции создают хорошую устойчивость, предохраняют воспитательную работу от текучести и пестроты форм. Создание таких традиций и следование им тесно связаны с воспитанием чувства чести и гордости своим учебно-воспитательным учреждением.

Большое место в воспитательной работе (и в частности в коллективе) Макаренко отводил и игре. «В детском возрасте игра — это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезное дело. У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворять. Надо не только дать ему время поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь. Вся его жизнь — это игра», — говорил Макаренко в том же выступлении³.

К этому вопросу он возвращается, выступая в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 г.: «Одним из важнейших путей воспитания я считаю игру. В жизни детского коллектива серьезная, ответственная и деловая игра должна занимать большое место. И вы, педагоги, обязаны уметь играть. Я вот не молодой человек, а я играл». В своих

¹ А. С. Макаренко, *Флаги на башнях*, 1939, стр. 137.

² А. С. Макаренко, *Избранные педагогические произведения*, 1946, стр. 201.

³ Там же, стр. 208.

«Лекциях о воспитании детей» Макаренко посвятил вопросу об игре целую лекцию, дав оригинальную теорию игры.

Макаренко рассматривает игру как подготовку к труду. Постепенно игра должна уступить место труду. Он особенно ценит в игре инициативу, творчество детей, когда они сочиняют, строят, комбинируют.

Первая стадия игры в раннем детстве — это стадия комнатной игры и игрушки. Макаренко рассматривает различные типы игрушек и дает ряд ценных методических указаний в связи с игрой на этой стадии. В возрасте 5—6 лет наступает вторая стадия, когда, по мнению Макаренко, ребенок от одинокой игры предпочитает переход к игре групповой, с товарищами, игре подвижной на свежем воздухе.

На этой стадии ребенок все более и более делается членом коллектива, и потому игра его больше связывается с коллективными интересами. Он выступает как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем, что требует от педагога особого подхода к руководству детской игрой. Наконец, на третьей стадии (примерно, в 11—12 лет) ребенок выступает уже как член не столько игрового, сколько делового учебного коллектива. На второй и третьей стадии нужно руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям и к своему коллективу.

В этом делении игры на стадии имеется, на наш взгляд, некоторый схематизм. Нельзя согласиться с А. С. Макаренко, когда он утверждает, что «первая стадия характеризуется тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие одного, двух товарищей». В детских садах с успехом применяются коллективные игры не в возрасте 5—6 лет, а гораздо раньше, в возрасте даже 3—4 лет. Тем не менее, у Макаренко имеется ряд ценных указаний и относительно игровой деятельности детей младшего дошкольного возраста.

Своеобразие воззрений Антона Семеновича на игровую деятельность детей и подростков, то новое, что он внес в этот вопрос, заключается в утверждении, что надо пропитать игрой всю жизнь детей, подростков и даже юношей, надо (до известной степени, конечно) играть с коллективом воспитанников даже тогда, когда они выполняют серьезную работу. При этом играют не только воспитанники, но и педагоги.

Как большой педагог-художник, А. С. Макаренко сумел глубоко понять природу игры. В художественной деятельности, как бы серьезна и глубока она ни была, всегда имеется элемент игры. Недаром про артистов и музыкантов, исполняющих самые глубокие, самые трудные роли и музы-

кальные произведения, говорят: «они играют». Придавая исключительно большое значение эстетическому воспитанию, говоря об эстетике коллектива, эстетике поведения, эстетике труда и быта, Антон Семенович требует, чтобы педагоги вносили художественно-игровой элемент и во всю воспитательную работу, отчего она нисколько не теряет своего серьезного характера, своего громадного значения.

В практической педагогической деятельности самого Антона Семеновича игра и деловая деятельность не разделялись китайской стеной, не противопоставались, как это было принято в прежней педагогике, когда даже лучшие педагоги считали аксиомой: «делу — время, а потехе — час», «дело делом, а игра игрой». У Макаренко то и другое органически сочетается как некое единство. Такой игрой была в практике колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского символика, о которой мы говорили выше, военизация и т. п. Такая игра не только не понижала деловой жизни коллектива, но наоборот, поддерживала дисциплину, создавала четкость жизни коммуны и способствовала большим трудовым достижениям.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

„Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке,—это сила и красота“.

(А. С. Макаренко. Педагогическая поэма.)

Физическому воспитанию в педагогическом опыте Макаренко уделено много внимания.

Безукоризненная чистота, прогулки и туризм, игры и спорт, гимнастика, труд, военный строй — таковы разнообразные средства физического воспитания, применявшегося в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского.

В ряду этих средств Антон Семенович особенно отмечает военный строй. Военно-строевые занятия подготавливали будущих защитников социалистической Родины, способствовали дисциплинированию колонистов, их физической культуре и эстетическому воспитанию.

Как мы уже отмечали, именно благодаря военно-физкультурным занятиям у колонистов исчезла былая расхлябанность: движения юношей и девушек стали более четкими, фигуры стройнее, походка увереннее. Во внешнем облике, во всем быту, работе и отдыхе стала заметна подтянутость, какая-то внутренняя дисциплинированность; даже речь стала более экономной и содержательной.

Стройные ряды колонистов, одетых в простую, изящную форму, с оркестром и знаменем невольно привлекали взоры во время демонстраций. Выработалась привычка разумного подчинения приказаниям командиров отрядов.

Придавая большое значение военизации, Макаренко в то же время подчеркивал, что она не должна быть копированием Красной Армии. Он писал, говоря о ценных сторонах военизации:

«Особенно я ценю традицию военизации... Но я все-таки хочу вас предупредить, что это не должно быть повторени-

ем закона военной части. Ни в коем случае не должно быть простого подражания.... Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в пользе этой военизации....

...Эта традиция военизации украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает.... Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика. Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой военизацией. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А военизация это эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима, в особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разбалтывания движений, от разбросанности их»¹.

В воспитательных учреждениях Макаренко было много элементов военизации, и в то же время не было излишеств. В этом сказывался большой педагогический такт А. С. Макаренко, глубокое понимание им детской психики. Он никогда не прибегал к излишествам маршировки и строя на прогулках в пределах коммуны, при отправлении коммунаров на работу в мастерские, при сборе их в столовую.

Макаренко писал: «Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги — это постоянным маршем: в столовую идут — маршируют, на работу идут — маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и не нужно»².

Мы видели, что элементы военизации вводились Антоном Семеновичем как организующие, дисциплинирующие формы и, главным образом, как средство эстетического воспитания.

Естественно поэтому перейти теперь к вопросу об эстетическом воспитании в целом. Мысли и опыт Макаренко в этой области имеют большое значение и потому, что во многих наших школах эстетическое воспитание далеко еще не в почете.

В человеке Макаренко больше всего ценит силу и красоту (физическую и нравственную). Эстетическое воспитание Антон Семенович связывает со всеми другими сторонами воспитания: умственным, нравственным и физическим; понимает его очень широко. Он включает в него не только пение,

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 82—86.

² Там же, стр. 83.

музыку, литературу, театр, кино и картинные галереи, но красоту одежды, речи и движений, красоту быта, труда и отдыха.

Чистота, опрятность и покрой одежды, четкость, целеустремленность и изящная простота движений, элементы военизации и символика, хор и оркестр, театр, кино и клубная работа, чтение художественной литературы, обилие цветов — таковы средства, совокупность которых способствовала в воспитательных учреждениях Макаренко эстетическому воспитанию.

Антон Семенович очень ценил художественную простоту, естественность, чувство меры. Он не выносил грубости, расхлябанности, рисовки, в чем бы они ни проявлялись: в работе, в движениях, в разговоре, поступках.

Эстетическое воспитание Макаренко советует начинать в самом раннем детстве: мелодичная колыбельная песня, сказки, игры, книжки с художественно выполненными картинками — первые средства эстетического воспитания детей. Позже — кино, театр, художественная литература, картинные галереи и отмеченные выше другие разнообразные формы и средства.

ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГА

„Педагоги—самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни“.

(А. С. Макаренко.)

Всей своей прекрасной жизнью, примером всей своей воспитательной деятельности А. С. Макаренко показал, каким должен быть советский педагог.

В своих художественно-педагогических произведениях, лекциях и статьях он теоретически разработал проблему педагогического мастерства.

Советский педагог — носитель большой культуры и знаний. Воспитывая новых людей, он должен сам быть образцом нового человека-гражданина социалистического общества, человеком высокой коммунистической нравственности.

С бичующей иронией, с негодованием рисует Макаренко в «Педагогической поэме» типы мещан и шкурников Дерюченко и Родимчика, которых надо изгонять из среды педагогов.

В противовес им Макаренко указывает ряд качеств, характеризующих педагога-мастера.

«То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот, что увлекает ребят в наибольшей степени, — пишет Макаренко. — Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне.... И наоборот, как бы вы ни были ласковы, внимательны в разговоре, добры и приветливы, как бы ни были симпатичны в быту и в отдыхе, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на

каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или «пшиком», никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе-враждебного, иногда назойливо шельмующего»¹.

Социалистический гуманизм — глубокое уважение к трудящемуся человеку, жизнерадостность, бодрость, большая требовательная любовь к детям, энергия, настойчивость, выносливость, требовательность к себе — необходимые качества педагога.

Трудная работа педагога, но если она ведется правильно, она дает ощущение счастья, такое внутреннее удовлетворение, с которым ничто не может сравниться.

«Как ни трудно было мне, — говорит Макаренко, в конце «Педагогической поэмы», — как ни туманно было впереди, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями»².

Макаренко указывает, что воспитательное мастерство не является каким-то исключительным свойством, присущим только особо талантливым людям. Это, говорит Антон Семенович, специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта. Педагогическое мастерство приобретается и выучкой и опытом научной организации педагогического процесса. Оно будет возрастать с развитием советской педагогической науки, с расцветом педагогических институтов и педагогических училищ.

Анализируя «технику» педагогической работы, Макаренко указывает на большое значение постановки голоса педагога, его умения владеть интонациями, мимикой и жестом, владеть своими настроениями, уметь «играть». «Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15 — 20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса», — говорит Антон Семенович.

Педагог-мастер должен уметь выражать разнообразные чувства, которые вызывает в нем тот или иной поступок воспитанника, но это вовсе не значит, что надо тратить свои нервы, что мы должны воспитывать детей при помощи сердеч-

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 184—185.

² Там же, стр. 618.

ных мучений, мучений нашей души. Ученику иногда нужно продемонстрировать это мученье, а для этого нужно уметь играть, говорит Макаренко.

Необходимым признаком педагогического мастерства является способность ориентировки. Это качество предохранит педагога от трафарета, позволит в каждом отдельном случае быстро отыскать нужное средство и правильный подход к воспитаннику. Бесконечно разнообразны характеры детей, отдельные педагогические положения-случаи, в которых педагогу надо быстро ориентироваться и найти наиболее целесообразное решение. Необычайно разнообразны средства воздействия на детей и тонки оттенки этих воздействий. А. С. Макаренко указывает, что необходимо хорошо учитывать чувства и настроения детей.

Очень сложны взаимоотношения отдельного воспитанника и всего коллектива, воспитанника с членами этого коллектива; педагога и воспитанника, всей окружающей природной и общественной среды и воспитанника. Сам воспитанник — это непрерывно растущий, меняющийся человек. Возрастные и половые его особенности, различие характеров детей, влияние воспитательных воздействий, влияние товарищей — все это создает чрезвычайно сложную педагогическую ситуацию, в которой педагогу надо уметь быстро ориентироваться, реагировать решительно и авторитетно.

Макаренко считал, что в процессе воспитания нельзя экспериментировать сомнительными средствами. Воспитание — слишком ответственный процесс, жизнь и развитие детей — слишком большая ценность, чтобы можно было вести воспитание методом «проб и ошибок». Тот или иной метод и прием педагог вправе применить только тогда, когда он убежден в его целесообразности.

Вместе с тем, однако, воспитательная работа педагога — творческая работа. Неоднократно Макаренко говорит о педагогическом риске. Возражая педагогам, считавшим недопустимым педагогический риск, Макаренко, ссылаясь на свой богатый опыт и его результаты, утверждает: педагог имеет право на риск, как и всякий другой творческий работник, так как отказаться от риска — значит отказаться от творчества.

Может показаться непоследовательностью: с одной стороны — признание недопустимости экспериментирования в воспитании, с другой — провозглашение права на педагогический риск. Могут подумать: ведь вся деятельность Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского была большим длительным экспериментом (Горький так и называл эту деятельность).

В действительности неразрешимого противоречия здесь нет: педагог, по мысли Макаренко, не имеет права экспериментировать, если он не уверен в правильности намеченных им путей, идет «на авось». Но если он овладел педагогической логикой, если он на основании своих знаний, наблюдений, выводов из опыта глубоко убежден, что выбранный им путь целесообразен, то как бы этот путь ни расходился с рутинными методами и приемами, педагог имеет право рисковать, идя этим новым путем.

Богатейшие результаты педагогической деятельности самого Макаренко на практике доказали целесообразность этого права на риск. Примеров такого риска особенно много в «Педагогической поэме». Наиболее ярким примером является «завоевание Куряжа», когда подвергалась смелому риску вся колония им. Горького, все шестилетние достижения, репутация Антона Семеновича. Неудача в Куряже была бы торжеством для его противников. И тем не менее А. С. Макаренко, глубоко уверенный в правильности своей системы, и в частности, разработанного им «метода взрыва», проявил большую смелость и решительность.

Необходимым качеством педагога, без которого не может быть подлинного мастерства, является педагогический такт.

Сам Антон Семенович умел проявлять во всех своих действиях на воспитанников изумительный такт, в основе которого лежали его умение наблюдать, знание каждого воспитанника и определенная система глубокопродуманных теоретических положений. Только при большом педагогическом такте можно было так мастерски сочетать военизацию и отсутствие какой бы то ни было муштры, высокий авторитет педагога и большие права коллектива воспитанников, большую требовательность к детям и огромную любовь к ним.

Прочтите «Педагогическую поэму» и «Флаги на башнях» еще раз, вдумайтесь в те разнообразные приемы, к которым Антон Семенович прибегал в каждом отдельном случае: все они — свидетельство замечательного педагогического такта.

Работа педагога-мастера отличается определенным стилем, совокупностью выдержанных в определенном направлении, основанных на определенных принципах форм, методов и приемов.

Нет стиля в воспитательной работе того педагога или родителя, который, не имея принципов или не умея применить их на практике, мечется от приемов «свободного воспитания» к педагогике подавления, предоставляет развитие детей самотеку, бросается от запугивания детей к слащавому заласкиванию. «Область стиля и тона всегда игнорировалась

педагогической теорией, а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания», — говорит Макаренко. В создании стиля педагогической работы большую роль играет накопление традиций.

Решающим, главным качеством педагога является его авторитет. Он создается всеми теми качествами, о которых мы говорили выше: коммунистическим мировоззрением и поведением воспитателя, его знаниями и умениями, высокой культурой, нравственной чистотой, социалистическим гуманизмом, энергией и работоспособностью, твердостью характера, требовательной любовью к детям.

В нужных случаях педагог, как говорит Макаренко, должен быть даже диктатором и вместе с тем создать крепкий, сплоченный коллектив, воодушевленный теми же стремлениями, что и сам педагог. Этот коллектив является тем приводным ремнем, через который воля воспитателя осуществляется по отношению ко всем воспитанникам. «Пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и не должен отказываться от принуждения»¹.

Когда такой коллектив создан, прямое воздействие педагога на отдельного воспитанника должно, по мнению Макаренко, применяться значительно реже. Педагог мобилизует группу старших и влиятельных товарищей, организует, в качестве ближайших своих помощников, актив коллектива, а в дальнейшем при помощи этого актива и весь коллектив.

Макаренко подробно перечисляет формы общения педагога с воспитанниками (кроме само собою разумеющегося главного общения с ними в процессе учебных занятий в классе, на уроках): участие в работе коллектива воспитанников, участие в производственных совещаниях коллектива, общение с воспитанниками в беседе и игре, совместные с детьми прогулки и экскурсии, участие в кружках, участие в выпуске стенгазеты, вечера совместного чтения, присутствие на классных занятиях (которые ведет другой педагог), помощь в подготовке уроков, участие в подготовке праздников, участие в купанье, в лыжных пробегах и т. д.².

Эта жизнь педагога совместно с детьми сближает, роднит их. Видя педагога всегда в своей среде, дети непрерывно находятся под его воздействием. Педагог постоянно служит для детей образцом для подражания. Крепнут связи педагога и детей, растет их взаимная привязанность.

¹ А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, „Советский писатель“, 1947, стр. 123.

² А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Изд-во АПН РСФСР, стр. 191—201.

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ

„Вы родители и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий боец“.

(А. С. Макаренко, Лекции
о воспитании детей.)

Вопросы семейного воспитания Макаренко подробно осветил в своей «Книге для родителей» и в «Лекциях о воспитании детей». Он был одним из первых у нас педагогов, остро поставивших этот вопрос и привлечших к нему внимание исследовательских педагогических учреждений и учительства.

«Книга для родителей» вышла в 1937 г. и вызвала многочисленные отклики педагогов и сотни писем родителей. В 1939—1941 годах проводились педагогические конференции, специально посвященные роли семьи в воспитании детей, вышло два сборника статей на тему «Семья и школа». Серию интересных книг и брошюр по отдельным вопросам семейного воспитания выпустил Ленинградский институт усовершенствования учителей.

В главе IV («Макаренко писатель») мы уже дали краткую характеристику «Книги для родителей» как художественно-педагогического произведения. Напомним, что вышедшая из печати «Книга для родителей» представляет собою только первый том капитального труда по вопросам воспитания в семье, который был задуман Антоном Семеновичем как четырехтомное издание. Вышедший первый том рассматривает структуру семьи как советского коллектива. Второй том Макаренко хотел посвятить политико-моральному воспитанию в семье и школе, «поскольку семью от школы отделять нельзя», отмечал Антон Семенович. В третьем томе «Книги для родителей» он намеревался осветить вопросы трудового воспитания в семье и выбора профессии.

Спальня в коммуне им. Дзержинского

Оркестр коммуны им. Дзержинского

Относительно четвертого тома Антон Семенович говорил: «И, наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком»¹.

Преждевременная смерть прервала деятельность Антона Семеновича, и большой творческий замысел остался незавершенным: был написан и издан лишь первый том «Книги для родителей».

В 1937 г. А. С. Макаренко прочитал по радио 8 лекций для родителей о воспитании в семье. В 1940 г. эти лекции по авторским рукописям были опубликованы в виде отдельных статей в газетах «Известия» и «Учительская газета» и в том же году вышли отдельной книгой под редакцией Г. С. Макаренко и проф. В. Н. Колбановского под заглавием «Лекции о воспитании детей». Несмотря на небольшой объем, книга эта представляет собою целую энциклопедию воспитания в семье, охватывая в систематическом изложении важнейшие вопросы этой проблемы, а именно: 1) общие вопросы семейного воспитания, 2) о родительском авторитете, 3) дисциплина, 4) игра, 5) воспитание в труде, 6) семейное хозяйство, 7) воспитание культурных навыков, 8) половое воспитание.

Поскольку целый ряд педагогических вопросов, рассматриваемых и в этой книге, был нами изложен уже в предыдущих главах (воспитание в коллективе, воспитание в труде, дисциплина, игра и др.), мы в этой главе изложим теорию семейного воспитания, как ее дает А. С. Макаренко, во избежание повторений, лишь вкратце.

Определяя общие условия семейного воспитания, А. С. Макаренко выдвигает понятие «полной семьи» как воспитательного коллектива, т. е. такой семьи, где отец и мать живут дружно, где царствует любовь и взаимное уважение, где имеется несколько детей разного возраста. Он подчеркивает ответственность родителей перед родиной за воспитание детей, выдвигает роль личного примера родителей: «Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом — вот первый и самый главный метод воспитания!» — говорил Антон Семенович².

В основном то, что Макаренко говорит о воспитании в коллективе, через коллектив и для коллектива (с соответ-

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 213.

² Там же, стр. 243.

ствующими изменениями, поскольку семья — это особый коллектив), относится и к воспитанию в семье.

Необходимо с самого начала правильно поставить воспитание, установив точную его цель, составив программу воспитания, установив четкий режим и продумав все мелочи воспитания, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием детей, что несравненно труднее, чем с самого начала правильно поставленное воспитание.

В семье должен существовать налаженный, четкий режим. Родители должны проявлять к детям требовательную любовь. Всякое потворство детям, удовлетворение их капризов развивает эгоизм, черствость, барство и лень. В «Книге для родителей» приведено много примеров неправильного семейного воспитания.

Придавая большое значение авторитету родителей и развивая критику ложных понятий авторитета, данную еще в 60-х годах XIX в. Н. А. Добролюбовым в его статье «О значении авторитета в воспитании», А. С. Макаренко дает глубокий психолого-педагогический анализ различных видов ложного «авторитета».

Некоторые родители хотят опереться на «авторитет подавления», когда ребенка запугивают, ругают и бьют за каждый пустяк. В результате из забитых детей выходят впоследствии или безвольные люди или самодуры. Иногда встречается «авторитет расстояния»: он заключается в том, что родители держатся от детей подальше, отчужденно, редко разговаривают с ними, не вмешиваются в их дела. Некоторые родители, считая себя очень заслуженными людьми, чванятся перед посторонними людьми и перед своими детьми, которые тоже начинают чваниться родителями («мой папа — писатель», «мой папа — генерал»). Этот вид ложного авторитета Макаренко называет «авторитетом чванства». Встречается «авторитет педантизма», когда родители держатся с детьми бюрократически, изображают из себя непогрешимых людей и из боязни подорвать свой авторитет не изменяют своих неправильных распоряжений даже в случае их явной нелепости. Часто наблюдается «авторитет резонерства» — бесконечные назидания и поучения, заедающие детскую жизнь.

Наряду с перечисленными видами ложного авторитета, в основе которых лежит неправильно понятый родителями принцип проявления власти, наблюдается и другая группа ложных авторитетов: «авторитет доброты», когда родители стараются быть с детьми очень добренькими, уступчивыми; «авторитет любви», когда детей заласкивают, бесконечно лобзают; «авторитет дружбы», конечно, неправильной, когда

родители становятся «на равную ногу» с детьми, а дети получают родителей и т. д. Иногда встречается самый безнравственный вид ложного авторитета «авторитет подкупа», когда послушание покупается подарками и обещаниями.

В противовес этим видам ложного авторитета истинный авторитет должен быть основан на трудовой жизни родителей, на их гражданском поведении как советских людей, на знании жизни детей, помощи детям, требовательной любви к ним.

Ознакомив родителей со своей теорией дисциплины (в основном мы рассмотрели ее в главе X), Макаренко особенно останавливается на режиме как главном средстве воспитания дисциплины в условиях семьи.

Режим жизни ребенка в семье всецело во власти родителей. Он, как мы уже говорили в главе X, должен быть целесообразным, определенным и точным, обязательным для детей, должен охватывать весь распорядок дня ребенка. Главным средством режима является спокойное, уравновешенное, приветливое и в то же время деловое, решительное, не допускающее никаких отступлений распоряжение, выполнять которое дети должны приучаться уже очень рано — с полутора-двух лет.

Требования, которым должно отвечать распоряжение родителей, Макаренко формулировал в следующих словах:

«1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком и раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрямство».

2. Оно должно быть сильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя»¹.

Режим должен сообразоваться с возрастом детей, обстановкой, даже величиной квартиры и ее удобствами и т. д. Поэтому он не может быть одинаковым для всех семей. Даже в одной и той же семье он время от времени должен меняться (однако, сохраняя нужную устойчивость).

Режим — не самоцель, а лишь средство, и как таковое сохраняется до тех пор, пока цель не будет достигнута.

При правильно установленном семейном режиме и точном его выполнении не нужны наказания, равно как и излишние поощрения.

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 260.

Много ценных указаний дал Макаренко о трудовом воспитании в условиях семьи.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано, в игре (ответственность ребенка за целостность игрушек, за порядок и чистоту игрового уголка). С возрастом трудовые поручения необходимо усложнять, например, дети могут поливать цветы в квартире, накрывать на стол, производить уборку в комнате и т. д. При этом Макаренко формулирует очень важное в методическом отношении требование: не ограничиваясь отдельными, разовыми поручениями, надо давать детям задания длительного характера, приучая детей тем самым к ответственности за определенную, длящуюся месяцами работу, развивая умение планировать работу и т. д.

Особую лекцию Антон Семенович посвятил вопросу о семейном хозяйстве и участии в нем детей — тема, которая впервые была освещена А. С. Макаренко как тема педагогическая.

Он указывает, что у нас каждому человеку предстоит обязательно участвовать в общем государственном хозяйстве, и к этому молодое поколение должно приучаться уже с самых ранних лет посредством участия в семейном хозяйстве, поскольку у нас семья трудовая. «При помощи правильного воспитательного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность»¹.

В лекции он подробно показывает, как посредством активного участия в семейном хозяйстве воспитывается каждая из этих черт.

Оригинально определяя честность как «открытое, искреннее отношение к людям и вещам», он разъясняет, что «тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков — все это вызывает к жизни зарождение нечестности»².

Воспитание культурных навыков также должно возможно раньше начинаться в семье. Начало такого воспитания — рассказывание детям хорошо выбранных сказок, преимущественно сказок народного эпоса о животных. Несколько позже — рассмотрение иллюстраций и беседы по этим иллюстрациям; еще позже редкое посещение детьми в сопро-

¹ А. С. Макаренко. Избранные педагогические произведения, 1946, стр. 280.

² Там же, стр. 282.

вождении родителей предназначенных для детей (с учетом их возраста) пьес в детском театре и кино. При этом надо внимательно следить, чтобы посещение детьми кино не превратилось в страсть, мешающую серьезному отношению ребенка к учению, не превратилось бы только в забаву. О пьесах и фильмах, которые видели дети, надо обязательно проводить беседу в семье, обсуждая их.

В школьные годы родители обязаны приучать детей к чтению книг и газет с обсуждением прочитанного. Продолжая практиковать чтение вслух, родители постепенно приучают детей и к «тихому» чтению.

Родители должны контролировать подбор литературы для детского чтения; знать, как ребенок читает книгу, не допуская «проглатывания» книг: должны приучать детей к бережному обращению с книгой.

Уделяя целую лекцию вопросу о половом воспитании, А. С. Макаренко дает ряд во многих отношениях новых педагогических указаний. Он исходил из того, что это воспитание не составляет какого-то особого, изолированного педагогического вопроса, но должно рассматриваться в связи со всей системой воспитания. «Воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей Родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении», — говорил Макаренко¹.

Кроме того, — указывает он, — есть, конечно, и отдельные специальные методы и приемы полового воспитания. Макаренко отвергает советы некоторых педагогов рано объяснять детям «тайну деторождения». Он правильно напоминает, что мы не объясняем трех-четырёхлетним детям, отчего увеличивается или уменьшается день или устройство аэропланного мотора, хотя дети и задают эти вопросы. На многие непосильные детям вопросы мы отвечаем: «Ты еще мал, подрастешь, узнаешь». И ребенок не проявляет настойчивого интереса. Почему же иное отношение существует у некоторых родителей и педагогов к иногда заданному детьми вопросу «Откуда берутся дети». Если вы более или менее тактично отведете вопрос ребенка, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношении между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 298.

любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение¹. Лишь в период полового созревания и при том условии, что у ребенка есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, полезны интимные беседы между отцом и сыном, матерью и дочерью по вопросам половой гигиены и половой нравственности. Не следует, однако, преувеличивать значение этих бесед. Лучше даже если их проведет врач в школе. «Между родителями и детьми желательны всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы»².

Заканчивая «Книгу для родителей», Макаренко правильно указывает:

«Каждая семья отличается своеобразием жизни и жизненных условий, каждая семья должна самостоятельно решать многие педагогические задачи, пользуясь для этого отнюдь не готовыми, взятыми со стороны рецептами, а исключительно системой общих принципов советской жизни и коммунистической морали».

¹ А. С. Макаренко, Избранные педагогические произведения, стр. 299.

² Там же, стр. 300.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО А. С. МАКАРЕНКО И СОВРЕМЕННОСТЬ

„Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они растут в нашей семье и в нашей школе“.

(А. С. Макаренко.)

Макаренко не дожид до дней героической борьбы нашего народа с фашистами, дней, когда наша славная Советская Армия под гениальным руководством товарища Сталина сокрушила немецких захватчиков.

А. С. Макаренко не дожид до наших дней, когда в творческом порыве дружными усилиями всего народа мы быстро восстанавливаем нарушенное войной социалистическое хозяйство и за короткий срок, протекший со времени окончания войны, уже во многих областях хозяйства и культуры перешагнули довоенный уровень.

Не дожид Антон Семенович до наших дней, когда в некоторых странах, называющих себя демократическими, реакционные круги ведут оголтелую пропаганду новой войны против Советского Союза.

К борьбе с темными силами реакции, к победам на фронте, к ударной творческой работе в тылу готовил молодежь Антон Семенович Макаренко.

Он писал: «Величественные пространства СССР окружены мраком фашистской злобы и первыми вспышками войны. Новое истребление человечества среди бела дня готовится вокруг нас. Невиданное в истории мира совершилось.... Вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного поколения людей, гением их руководителей Ленина и Сталина. И если вспыхнет война, наш гражд-

данин под знаменем гуманизма спокойно свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы она национальным флагом ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории».

Сотни выращенных Антоном Семеновичем новых людей сражались против фашистских варваров. Среди них Герой Советского Союза Михаил Бондаренко; капитан Андрей Рубан, трижды награжденный орденами, представленный к званию Героя Советского Союза; среди них летчик — капитан Каплуновский (получил шесть наград), один из любимейших учеников Антона Семеновича С. А. Калабалин (изображенный в «Педагогической поэме» под именем Семена Карабанова) и многие другие герои его произведений.

С. А. Калабалин отправился на фронт добровольно, выполнял особо ответственные задания. Когда на одном из вечеров, посвященных памяти Макаренко, студенты спросили С. А. Калабалина, за что он получил орден Отечественной войны, он кратко ответил: «За Родину, за Антона Семеновича».

А. С. Макаренко учил и выучил три тысячи воспитанников быть страстными борцами за Родину, он предупреждал, что на нас будут покушения и учил быть беспощадными к врагам. В заключительных словах «Флагов на башнях» Макаренко устами Игоря Чернявина говорил по адресу врагов партии и народа:

«Они не знают, гады, они не знают, что мы уже привыкли быть людьми; рабочей скотиной мы быть теперь не сумеем.... И не простим, и не пощадим, уничтожим каждого, кто станет на нашей дороге».

Макаренко горячо любил свою Родину, гордился ее успехами. Всю свою жизнь, талант и энергию он отдал борьбе за ее счастье и воспитал подлинных советских патриотов.

В статье, посвященной Сталинской Конституции, он писал, что подлинное счастье открылось только в нашей стране социализма.

«Будущие люди позавидуют нам, — писал Макаренко. — В соединении жизни и революции они увидят все величие, всю красоту и мощь нашего замечательного времени. А я завидую будущим людям, я завидую даже тому школьнику, который в каком-нибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории, где будет написано: «История человечества делится на две части: «До Сталинской Конституции и после Сталинской Конституции».... Я завидую этому школьнику, потому что его детские глаза лучше моих увидят настоящее величие наших дней: для этого школьника десятки

поколений ученых, сотни светлых умов освобожденного человечества раскроют и назовут самые глубокие правды».

Воспитание горячей любви к социалистической Родине и ненависти к ее врагам, чувства долга, чести, мужества, воли, дисциплины, это воспитание, которому Макаренко посвятил свои произведения, в нашей современной жизни получило огромное значение.

Меры воздействия на воспитанников, которые он применял, в частности, авторитет и пример педагога, общественное мнение коллектива, четкий режим, поощрение и наказание стали сейчас бесспорными воспитательными мерами. Сталинский гуманизм, требовательная любовь к детям, замечательное педагогическое мастерство, богатое педагогическое творчество, умение обобщать практический опыт и анализировать педагогические явления — это качества, которым наш советский педагог может и должен учиться у Макаренко.

Замечательная практическая и теоретическая деятельность Макаренко — это не историческое прошлое советской педагогики, а ее настоящее.

Углубленное изучение педагогической системы Макаренко началось в 1940 г. по почину центрального органа ЦК ВКП(б) — газеты «Правда» и «Учительской газеты», когда были опубликованы отдельные педагогические статьи и лекции Антона Семеновича. С тех пор многое сделано по изучению его педагогического наследства. Существует уже большая литература о педагогическом творчестве Макаренко, написан ряд диссертаций на эту тему.

Особенно много делает в этом отношении лаборатория по изучению педагогического наследства Макаренко, руководимая его женой и соратником по работе Г. С. Макаренко. Лаборатория, входящая в состав учреждений Академии педагогических наук РСФСР, продолжает свою работу

Кроме публикаций, переиздания художественно-педагогических произведений А. С. Макаренко и многочисленных его лекций, докладов и статей в педагогических газетах и журналах, Академией педагогических наук издана в 1946 г. книга «Избранные педагогические произведения» Макаренко и в 1948 г. «Педагогические сочинения» — сборник его неопубликованных выступлений и докладов.

Академия педагогических наук приступила также к изданию собрания сочинений А. С. Макаренко в 8 томах. Лаборатория по изучению наследства А. С. Макаренко установила живую связь со многими школами и детскими домами, применяющими в своей деятельности указания Антона Семеновича, и ведет большую консультационную работу.

Много предстоит еще сделать и для опубликования материалов архива А. С. Макаренко, для теоретического изучения его педагогического наследства и внедрения его в жизнь. Большой интерес представляло бы опубликование избранных писем родителей и учителей к Антону Семеновичу и его ответов на них.

Многие детские дома и школы успешно применяют методы, разработанные Макаренко. Элементы его системы часто можно встретить в наших учебно-воспитательных учреждениях.

Наша задача — продолжать изучение педагогического наследства Макаренко, широко знакомить педагогов нашей Родины и родителей с этим наследством и содействовать творческому применению его в практике советских учебно-воспитательных учреждений.

БИБЛИОГРАФИЯ

произведений А. С. Макаренко*

1. *Марш 30 года*. М., ГИХЛ, 1932.
2. *Педагогическая поэма*. Часть 1. Альманах год XVII, «Советская литература», М., 1933, кн. 3. Часть 2. Альманах год XVIII, М., Гослитиздат, 1935, кн. 5. Часть 3. Альманах год XVIII, М., Гослитиздат, 1935, кн. 8.
Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, часть 1, 1934; часть 2, 1935; часть 3, 1936.
Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, части 1 и 2, 1935; часть 3, 1937.
Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, три части, 1937.
Педагогическая поэма (пятое издание). М., «Советский писатель», 1940.
Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, 1944.
Педагогическая поэма. М., изд-во «Правда», 1947 (приложение к журналу «Огонек»).
3. *Педагогическая поэма*, М., «Советский писатель», 1947.
Педагогическая поэма, Махач-Кала, Даггосиздат, 1941.
Педагогічна поема (переклад 3 російської О. і М. Езерницьких). Частина 1—3. Київ, Харків, 1935.
Педагогічна поема. Частина перша і друга. Переклад з російської О. і М. Езерницьких. Харків, Державне літератур. видавництво, 1936.
Видання друге. Частина третя—авторизований переклад О. Езерницької. Харків, Державне літератур. видавництво, 1936.
Педагогічна поема. Частки першая і другая. Переклад з рускага Менск, Дзяржаўнае выдавецтва. Беларусі, Мастацкая літаратура, 1940.
Педагогическая поэма (на латышском языке). Рига, 1945.
3. *Мажор*. (Пьеса. Псевдоним—Андрей Гальченко). М., Гослитиздат, 1935.
4. *Книга для родителей*. Журн. «Красная новь», М., 1937, № VII, VIII, IX, X (июль, август, сентябрь, октябрь).
Книга для родителей (отдельное издание). М., Гослитиздат, 1937.
5. *Книга для батьків*. (Авториз. пер. з рос. О. Езерницької). Київ, Держлітвидав, УССР, 1940.
6. *Честь*. (Повесть.) Журн. «Октябрь», М., Гослитиздат, 1937, кн. XI, XII, 1938, кн. I, V, VI.
7. *Флаги на башнях*. Журн. «Красная новь», М., Гослитиздат, 1938, № VI, VII, VIII.
Флаги на башнях (отдельное издание). М., Гослитиздат, 1939.
8. *Лекции о воспитании детей*. М., Учпедгиз, 1940.
Лекции о воспитании детей. М., Учпедгиз, 1947.
Лекції про виховання дітей. (Під ред. Г. Макаренко и Колбановського). Київ, «Радянська школа», 1941.

* Библиография составлена М. Бобровской.

8. *Избранные педагогические произведения*. Статьи, лекции, выступления. М., Учпедгиз, 1946.

9. *Педагогические сочинения*. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. М., АПН РСФСР, 1948.

Рассказы и отрывки из произведений

10. *Случай в походе*. Журн. «Колхозные ребята», М., 1937, № 10, октябрь.

11. *В семье Веткиных* (из «Книги для родителей»). «Литературная газета», М., 1937, 20/VII, № 39 (675).

12. *Гришка*. Журн. «Смена», М., 1937, № 9—10, сентябрь, октябрь.

13. *Доктор*. Газ. «Медицинский работник», М., 1938, 29/XI, № 87.

14. *Симфония Шуберта*. Журн. «Смена», М., 1938, № 5, май.

15. *Премия*. Журн. «Молодой колхозник», М., 1938, № 5.

16. *Незабываемая встреча*. Журн. «Дружные ребята», М., 1938, № 6, июнь.

17. *Домой хочу*. Журн. «Дружные ребята», М., 1939, № 3, март.

18. *Новые годы*. Газ. «Московский комсомолец», М., 1941, № 1 (305), 1 января.

19. *Отрывок из неопубликованного романа «Пути поколения»*, «Литературная газета», М., 1941, 6 апреля.

20. *В пучине педагогики*. Лагери. (Главы из неопубл. рукописи — «ФД-1») Журн. «Советская педагогика», М., 1944, № 5—6, май, июнь, стр. 12.

21. *Поручик Яблонский*. Журн. «Смена», М., 1944, № 1—2, стр. 13.

Статьи

22. *Педагоги пожимают плечами*. Сборник к пятилетию существования коммуны им. Ф. Дзержинского. Харьков, 1932, стр. 39.

Педагоги пожимают плечами. Газ. «За большевистские педкадры» Ленингр. пединститута им. Герцена, Л., 1941, № 13 (428), 1 апреля, 14 (429), 8 апреля, 15 (430), 15 апреля и 16 (431), 22 апреля.

23. *Наша история*. Газ. «Сталинец» (многотиражка), 1934, № 11, 26 августа.

24. *О личности и обществе*. Газ. «Известия», М., 1936, № 286 (6173), 9 декабря.

25. *«Чудо», созданное советской жизнью*. «Литературная газета», М., 1936, 1 августа.

26. *Письмо в совет жен писателей*. «Литературная газета», М., 1936, № 44 (607), 5 августа.

27. *Прекрасный памятник*. Газ. «Правда», М., 1936, № 198, 20 июля.

28. *Максим Горький в моей жизни*. Альманах год XIX, М., Гослитиздат, 1936, кн. 10.

29. *Наш театр*. (Уривок з «Педагогічної поеми»). Вісті центр. Виконавчого Комітету УССР, 1936, № 104 (4002), 8 травня.

30. *«Всенародный вирок»*. Украинская Литературная газета, 1936, № 40, 29 августа.

31. *Цель воспитания*. Газ. «Известия», М., 1937, № 201, 28 августа.

32. *Наше знамя*. Газ. «Известия», М., 1937, № 246, 21 октября.

33. *Счастье*. Газ. «Известия», М., 1937, № 260, 7 ноября.

34. *«Важный вопрос»*. Право автора. (На письмо проф. Семеновского в ред. газ. «Правда») «Литературная газета», М., 1937, № 3 (639), 15 января.

35. *Писатели — активные деятели советской демократии.* «Литературная газета», М., 1937, № 13, 10 марта.

36. *Героическая борьба.* (О «Кочубее» Первенцова.) «Литературная газета», М., 1937, № 21, 20 апреля.

37. *Товарищеская лаборатория.* «Литературная газета», М., 1937, № 22, 26 апреля.

38. *Несколько часов на канале.* (Впечатления.) «Литературная газета», М., 1937, № 23, 1 мая.

39. *Очерк.* (Подпись — Андрей Гальченко.) «Литературная газета», М., 1937, № 23, 1 мая.

40. *В эти дни... к завоеванию северного полюса советской экспедицией.* «Литературная газета», М., 1937, № 28, 26 мая.

41. *Вредная повесть.* «Литературная газета», М., 1937, № 38 (674), 15 июля.

42. *Сила советского гуманизма.* «Литературная газета», М., 1937, № 41 (677), 30 июля.

43. *Закономерная неудача.* «Литературная газета», М., 1937, № 43 (679), 10 августа

44. *Рассказы о простой жизни.* «Литературная газета», М., 1937, № 45 (681), 20 августа.

45. *За дорогое будущее, к которому ведет Сталин.* «Литературная газета», М., 1937, № 58, 26 октября.

46. *Мальчик из Уржума.* (Рецензия.) «Литературная газета», М., 1937, № 65 (701), 1 декабря.

47. *Происшествие в Звезде.* (О романе «Возвращение»). Газ. «Правда», М., 1937, № 179, 1 июля.

48. *Детство и литература.* Газ. «Правда», М., 1937, № 182, 4 июля.

49. *Радость нашей жизни.* (Очерк.) Газ. «Правда», М., 1937, № 283 (7249), 13 октября.

50. *Новая жизнь.* Газ. «Правда», М., 1937, № 286 (7252), 16 октября.

51. *Я буду голосовать за товарища Булганина и Гудова.* Газ. «Вечерняя Москва», 1937, № 213, 29 ноября.

52. *На пороге третьего десятилетия.* Газ. «За коммунистическое просвещение», М., 1937, № 121 (2247), 1 сентября.

53. *О человеческих чувствах.* (Очерк.) Газ. «Красная звезда», М., 1937, № 190, 18 августа.

54. *Случай из прошлого.* (Очерк.) Газ. «Ленинградская правда», 1937, № 197, 27 августа.

55. *Из «Книги для родителей».* Донбасская газета, 1937, 5 августа.

56. *О темах для писателей.* Журн. «Книга и пролетарская революция», М., 1937, № 9, стр. 125.

57. *Выборное право трудящихся.* Журн. «Красная новь», М., 1937, № 12, декабрь, стр. 22.

Выборное право трудящихся. Сборник очерков и рассказов, посвященных выборам в Верховный Совет — «И жизнь хороша и жить хорошо», Гослитиздат, М., 1937, стр. 5.

58. *Чапаев, Д. Фурманова.* (Рецензия.) Журн. «Литературный критик», М., 1937, № 10 — 11, стр. 102.

59. *Больше коллективности.* (Выступление на общем собрании московских писателей.) Журн. «Октябрь», М., 1937, № 5, стр. 189.

60. *Прасковья Никитична Пичугина.* Журн. «Октябрь», М., 1937, № 12, стр. 41.

61. *В поисках героя.* (Рецензия на книгу критических статей А. Гурвич.) Газ. «Известия», М., 1938, № 202 (6669), 29 августа.

62. *Пьеса о детях.* «Литературная газета», М., 1938, № 13.

63. Памяти А. М. Горького. «Литературная газета», М., 1938, № 18, 30 марта.
64. Воспитательное значение детской литературы. «Литературная газета», М., 1938, № 27, 15 мая.
65. Писатели—подписчики нового займа. «Литературная газета», М., 1938, № 37 (744), 5 июля.
66. Советские летчицы. «Литературная газета», М., 1938, № 56 (763), 10 октября.
67. Проблемы воспитания в советской школе. Газ. «Правда», М., 1938, № 81, 23 марта.
68. Воспитание характера в школе. Газ. «Правда», М., 1938, № 124 (7449), 7 мая.
69. А. Караваева и А. Эрлих, «Клевета на молодого писателя». Газ. «Комсомольская правда», М., 1938, 12 февраля.
70. Стиль детской литературы. Журн. «Детская литература», М., 1938, № 17, стр. 3, сентябрь.
71. Разговор с читателем. (Автор о «Книге для родителей».) Журн. «Книга и пролетарская революция», М., 1938, № 4, стр. 158.
72. «Против шаблона». (Ответ на критическую статью А. Малахова — «Война и революция в кривом зеркале».) Журн. «Литературный критик», М., 1938, № 5 и «Литературная газета», М., 1938, № 36 (743), 30 июня.
73. Беседа с начинающими писателями. Журн. «Литературная учеба», М., 1938, № 10, октябрь.
74. Записки педагога. (О книге Г. Семушкина «Чукотка».) «Литературная газета», М., 1939, № 5 (784), 26 января.
75. Литература и общество. «Литературная газета», М., 1939, № 7 (786), 5 февраля.
76. Открытое письмо тов. Ф. Левину. «Литературная газета», М., 1939, № 23 (802).
77. Великая награда. Журн. «Дружные ребята», М., 1939, № 3, 15 марта.
78. Предстоит большая работа над собой. «Слово писателя». Сборник. М., Гослитиздат, 1939.
79. Преподаватель словесности. «Литературная газета», М., 1940, № 18 (869), 30 марта.
80. Воспитание детей в школе и семье. «Учительская газета», М., 1940, № 164 (2791), 27 декабря.
81. Некоторые педагогические выводы из моего опыта. «Учительская газета», М., 1940, № 159 (2786), 15 декабря, № 160 (2787), 18 декабря.
82. Лекции о воспитании детей: Воспитание в труде. «Учительская газета», М., 1940, № 121 (2748), 15 сентября и газ. «Известия», М., 1940, № 215 (7287), 15 сентября.
83. О родительском авторитете. Газ. «Известия», М., 1940, № 218 (7290), 19 сентября.
84. Родительский авторитет. «Учительская газета», М., 1940, № 131 (2758), 9 октября.
85. Дисциплина. «Учительская газета», М., 1940, № 123 (2750), 20 сентября.
86. Половое воспитание. «Учительская газета», М., 1940, № 124 (2751), 22 сентября.
87. Культурная работа в семье. «Учительская газета», М., 1940, № 125 (2752), 25 сентября.
88. Игра. «Учительская газета», М., 1940, № 127 (2754), 29 сентября.
89. Семейное хозяйство. «Учительская газета», М., 1940, № 133 (2760), 13 октября.

90. *Дисциплина, режим, наказание и поощрение.* «Учительская газета», М., 1941, № 3 (2795), 5 января, № 4 (2796), 8 января.

91. *Педагогика индивидуального действия.* «Учительская газета», М., 1941, № 6 (2798), 12 января и № 8 (2800), 17 января.

92. *Отношение, стиль и тон в коллективе.* «Учительская газета», 1941, № 16, 2 февраля.

93. *Выступ А. С. Макаренко на вечері зустрічи його з студентами і викладачами Харківського державного педагогічного інституту.* Журн. «Наукові записи Харківського державного педагогічного інституту». Том VI, 1941, стр. 1.

94. *Стенограмма доклада А. С. Макаренко в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов НКП РСФСР 20/X—1938 г.* «Учебно-воспитательная работа в детских домах». Бюллетень. Учебно-педагогическая работа в детских домах. М., 1941, № 2—3, стр. 6—31.

95. *Методы воспитания.* Журн. «Советская педагогика», М., 1943, № 5—6, стр. 10—17.

96. *Семья и воспитание детей.* (Сокращенная стенограмма лекции, прочитанной автором на собрании родителей, созванном в редакции журнала «Общественница», 22/VII, 1938 г.) «Учительская газета», М., 1944, 29 марта, № 14 (3038).

97. *Общие условия семейного воспитания.* Журн. «Общественница», М., 1944, № 6, стр. 28—30.

98. *Новые воспитанники.* (Отрывок из неопубликованного материала.) Журн. «Производственное обучение», М., 1945, № 4, стр. 3—4.

99. *Работа воспитателя.* Бюллетень — Детские колонии № 1. Отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. М., 1945.

100. *Беседа с родителями.* (Неопубликованная рукопись А. С. Макаренко.) «Учительская газета», М., 1946, 27 марта, № 16 (3145).

101. *Наказание и меры воздействия.* (Отрывок из неопубликованных материалов.) Журн. «Производственное обучение», М., 1946, № 3—4, стр. 33—34.

102. *Из переписки А. М. Горького с А. С. Макаренко 1925—1934 гг.* (Публикуется впервые.) «Учительская газета», М., 1946, 19 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие Г. С. Макаренко	3
Годы учения и начало педагогической работы	<u>13</u>
Трудовая колония им. Горького	19
Коммуна им. Дзержинского	34
Макаренко-писатель. Последние годы жизни	<u>41</u>
Исходные положения педагогического творчества Макаренко	<u>53</u>
А. С. Макаренко—педагог-новатор. Борьба его с враждебными марксизму педагогическими теориями	61
Педагогическая логика. Цель воспитания	70
Воспитание в коллективе	79
Воспитание в труде	86
Воспитание чувства долга и чести, воли и характера. Дисциплина	90
Физическое воспитание. Эстетическое воспитание	104
Проблема педагога	107
Семейное воспитание	112
Педагогическое наследство А. С. Макаренко и современность	119
Библиография произведений А. С. Макаренко	<u>123</u>

~~Библиотека~~

Переплет и заставки *И. А. Литвишко*
Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*

Редактор *Е. И. Сайдакова*

Техн. редактор *П. Г. Ислентьева*

А03307 Сдано в производство 11/1 1949 г. Подписано к печ. 23/II 1949 г.
8 п. л. + 1 л. иллюстраций. Уч.-изд. л. 8,53. В 1 п. л. 37911 зн.
Цена 6 руб. в переплете. Тираж 25 000 экз. Формат 60×92¹/₁₆ Заказ 26.

Типография Изд-ва АПН. Москва, Лобковский, 5/16

XIX 154
17:17

25

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

25/IV 167.

4. IV 128.

13/IV 100.

15/IV 303

24/IV 583

8/VI 124

21-1921.

26/III 684

26/IV 1444

25

Колич. предвд. выдач _____

1921

240
ЦЕНА в руб.

Музыкальный журнал